Рыцарь страха и упрека

Автор:
Алла Холод

Рыцарь страха и упрека

Алла Холод

Психология преступления

Наивная, романтичная, не приспособленная к жизни Соня удачно вышла замуж за сильного, уверенного мужчину из обеспеченной семьи, красавца с хорошими перспективами карьеры. Девушка была счастлива и готова для любимого мужа на многие жертвы. Именно поэтому она слишком поздно заметила, что на самом деле представляет собой ее супруг. Павел не гнушался ничем, чтобы заполучить очередную должность, ужасно обращался с женой, его боялись собственные дети. Когда Соня перестала закрывать глаза на любовницу мужа и подала на развод, он выгнал ее и сына с дочерью из дома… И вот Павел неожиданно для всех убит. Желающих поквитаться с ним следствие нашло предостаточно, но подозрения в убийстве пали на вдову…

Алла Холод

Рыцарь страха и упрека

© Холод А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Угол падения

– Эй, майор, ты откуда здесь взялся? Место преступления не затаптывай! Ты вообще куда пошел? – возмущенно завопил оперативник, пытаясь схватить Антона за рукав форменной куртки.

Но рукав выскользнул из недостаточно настойчивых пальцев, Антон вывернулся, буркнув что-то нечленораздельное, и уверенным шагом зашел в дом. Люди толпились возле столовой.

«Значит, все произошло именно здесь», – понял Антон.

Он уже миновал коридор и почти вплотную приблизился к арке, которая вела в столовую, но внезапно остановился. Войти туда означало увидеть тело брата. Антон пока не представлял себе, какова будет его реакция на это зрелище. Известие о гибели Павла ошеломило, потрясло, вызвало жажду немедленного действия, хотя, что именно нужно делать, Антон пока не представлял. Пятнадцать минут назад ему позвонил знакомый из ГУВД и сообщил, что оперативная группа «выехала на труп». Кто обнаружил тело Павла и когда произошло убийство, он еще не знал.

Получив горестное известие, Антон на запредельной даже для гаишника скорости рванул к дому Павла. И вот он здесь. Один шаг отделяет его от места, где, по всей видимости, находится тело. Антон много раз видел смерть: это были и криминальные трупы, и жертвы дорожно-транспортных происшествий, порой жутко изуродованные. Вид смерти уже не вызывал в нем ни тошноты, как в первые годы службы, ни страха, ни каких-либо ассоциаций. Сформировалась профессиональная привычка абстрагироваться от страшных зрелищ, воспринимать их как часть работы и только. Но увидеть мертвого Пашку было страшно. Пока Антон пытался восстановить сбившееся дыхание, его нагнал возмущенный оперативник.

– Ты кто? Что здесь делаешь? – снова спросил он.

Но Антон, не ответив, сделал шаг вперед и оказался в столовой. Верхнюю часть тела брата закрывала спина эксперта-криминалиста. Антон увидел лишь, что

труп Павла лежит на боку рядом со стулом, в момент гибели брат был одет по-домашнему: в майку и легкие джинсы.

– Вы кто? – обратился к Антону немолодой человек в старомодных очках с интеллигентным, умным лицом.

Антон не успел ответить, встрял возмущенный оперативник:

– Сергей Алексеевич, я его не пускал! Он рванул. Я не знаю, кто он такой, – развел руками опер.

Антон выровнял дыхание.

– Я его брат, – сказал он, кивнув на тело Павла. – Младший. А вы, наверное, следователь?

– Следователь, – кивнул тот, кого назвали Сергеем Алексеевичем, и окинул беглым взглядом полицейскую форму Антона. – Вам кто-то сообщил?

– Да, из дежурной части позвонили, – подтвердил Антон.

– Ну что ж, мужайтесь, – вздохнул следователь. – Здесь, как вы уже знаете, убийство.

В эту минуту эксперт поднялся, и Антон увидел залитое кровью лицо Пашки. Кулаки его с силой сжались, он зажмурился, не в силах больше смотреть в ту сторону, где лежал брат. Все, что говорил эксперт, он слышал как будто сквозь какой-то гул. Ровный, не очень громкий, но непрерывный гул. Это гудело у него в голове.

Павла убили выстрелом из травматического пистолета, пуля попала прямо в глаз. Антон помнил случай, когда один их сотрудник на фоне личной драмы пытался застрелиться из пневматики. Пуля, попав в висок, дошла до половины головы, но парень остался жив. Последствия ранения были, конечно, очень тяжелыми, но жизнь ему спасли. В Павла выстрелили, по-видимому, с расстояния двух-трех метров. Кого он мог подпустить к себе с оружием в руке так близко? Он, подполковник полиции, прослуживший много лет в органах

внутренних дел, дал кому-то вот так запросто себя застрелить? Немыслимо!

Антон прекрасно знал, какой жизнью жил его старший брат – такой же, какой и он сам, такой же, как и наибольшая часть их коллег. К такому образу жизни каждый приходит своим путем: одни, понимая, что полицейская зарплата не может позволить не то что нормально жить, а даже просто прокормить семью. Эти приходят к осознанию правды не сразу, через годы службы, когда перед глазами уже масса примеров и подтверждений тому, что жить можно и по-другому, и тебе ничего за это не будет. Другие идут в полицию осознанно, понимая, какие властные полномочия может дать эта служба, и заранее имея намерения определенным образом свою власть использовать. Третьи просто хватают то, что само плывет в руки, не особенно расшибаясь, не делая службу промыслом, но и не упуская своего, если подворачивается удобный случай. Встречаются и отпетые разбойники, неуравновешенные, психически ущербные люди, которые беспредельничают не только из-за денег, а ради личного удовольствия.

Тем, кто работал честно, Паша порой завидовал, он считал этих людей счастливыми. Любил повторять, что у них низкий уровень потребностей и высочайший уровень лени, и это сочетание позволяет им чувствовать себя счастливыми в однокомнатной хрущевке. Павел так жить не мог. Антон много знал о его делах и сейчас лихорадочно прокручивал в голове все, что слышал от брата за последнее время. Что могло произойти? С кем он мог пересечься в своих интересах настолько, чтобы человек выстрелил ему в лицо?

Под барной стойкой валялся разбитый стакан, телефонный аппарат, который стоял тут же, был сброшен и лежал, опрокинутый, с другой стороны. Взгляд Антона скользнул влево, там он заметил некоторый беспорядок: перевернутая банка с питьевой водой, штора, которую, казалось, кто-то пытался оборвать и еще кое-что по мелочи. Здесь что-то происходило, здесь кто-то с кем-то ссорился. Одним из ссорящихся был, естественно, Павел. Выяснить бы, с кем он выяснял отношения.

Из разговора Антон понял, что тело обнаружил кто-то из соседей: Сергей Алексеевич отдавал распоряжения насчет изъятия смывов с его рук. Но в голове так настойчиво гудело, что информация проплыла в общем потоке, ни за что не зацепившись. Антон лишь подумал, что на помощь соседей следствию вряд ли придется рассчитывать: жил бы Павел в квартире – другое дело, соседи могли бы слышать голоса, видеть того, кто входил в подъезд. Но у Паши был свой дом,

небольшой, не бросающийся в глаза монументальным фасадом, но добротный, уютный, построенный по оригинальному проекту. Паша всегда хотел жить именно в отдельном доме – чтобы не доставали и не заливали соседи, чтобы всегда можно было пожарить шашлычок во дворе. Сейчас дом Павла выглядел нежилым и пах смертью.

Как давно он здесь не был! Антон огляделся. Свою последнюю минуту Павел встретил, по всей видимости, сидя на стуле или стоя рядом с ним. Столовая, частью которой была и непосредственно кухня, имела нежилой вид. Из шкафчиков исчезла некоторая посуда, бросалось в глаза пустое место на стене, которое еще недавно занимал фотографический портрет сияющей Даши с распущенными волосами, в которые были вплетены ромашки. Отсутствовало фото задумчивого Котика. Над большим кожаным диваном пустовало место, которое раньше занимал египетский папирус с изображением бога Гора. Единственной «живой» деталью осталась недопитая бутылка водки на барной стойке, на полу, под стойкой, валялся разбитый стакан. Тарелок с закуской не было. Не похоже, чтобы Паша собирался с кем-то выпивать. Но к чему тогда эта бутылка?

Запах крови резко ощущался на фоне запаха нежилого помещения. Хотя тот, кто не бывал в этом доме так часто, как Антон, может, и не счел бы этот воздух нежилым, но уж он-то знал, как обычно пахло в доме его старшего брата.

Когда семья Павла еще не развалилась, его дом всегда был напоен самыми прекрасными ароматами. Летом Соня постоянно варила компоты и варенье, потому что дети пили и поедали все это в огромных количествах, и в начале лета у них всегда пахло пионами и вареной ягодой. В любое другое время года дом брата благоухал чистотой, свежестью и всем тем, от чего у Антона моментально рот наполнялся слюной: свежеиспеченными блинчиками, беляшами, ароматным борщом. Но больше всего он любил приходить, когда Соня запекала нашпигованную баранью ногу. Получалось это у нее восхитительно.

Сейчас дом казался мертвым, из него ушла жизнь. И случилось это не в тот момент, когда Павел, пораженный резиновой пулей, угодившей прямо в глаз, упал на пол. Это произошло гораздо раньше.

Глава 1

Соня Воронцова лишилась родителей, когда ей было пять лет. Отец и мать ехали из райцентра, везли бабушку на консультацию к городским врачам. Как потом говорили, была прекрасная погода, отец вел машину на допустимой правилами скорости, катастрофа произошла на самом подъезде к городу, когда на встречную полосу вылетел обгоняющий кого-то фургон, о мощное рыло которого легковушка разбилась вдребезги. Родители Сони не дожили даже до приезда «Скорой», а бабушка, ехавшая на заднем сиденье, еще какое-то время помучилась в больнице, но тоже очень скоро умерла. Девочку взяла на воспитание мамина сестра, тетя Клара. У тети Клары была своя дочь, которую она воспитывала без мужа, но тетка не допускала даже мысли о том, чтобы оставить племянницу на попечение государства.

Клара была женщиной яркой, эффектной, в молодости мечтала стать оперной примой. Но вокальные данные у нее оказались куда скромнее внешних. Кларе пришлось смириться с тем, что ей никогда не придется спеть Джильду в «Риголетто» или Виолетту в «Травиате». Ей доставались лишь вторые роли в опереточных спектаклях. Она страдала, но приняла свою участь, не сменила профессию – слишком велика у нее была тяга к сцене. Пусть Клара выходит на сцену не в том качестве, пусть место, о котором она мечтала, занимает другая певица, но представить себя вне театра Клара не могла. Она обожала театр: его запахи, атмосферу, неповторимое ощущение эмоционального подъема перед выходом на сцену. Она любила в театре все: высокие колонны нарядного фойе, блестящие паркетные полы и широкие парадные лестницы, яркие люстры, дарящие ощущение праздника. Но не меньше она любила темные переходы кулис, репетиционные комнаты, тесные гримерки, навеки впитавшие устойчивый запах рассыпчатой пудры и жидкого грима. Была бы ее воля, она вообще бы не выходила из театра, тем более что там был буфет, где всегда можно перекусить, и даже свой маленький медпункт. И еще Клара не могла существовать вне театрального коллектива, вечно раздираемого внутренними интригами и противоречиями, в котором всегда кто-то дружил против кого-то, кто-то влюблялся, кто-то кого-то бросал…

Дочь Клара родила от блестящего красавца-баритона, который, как она полагала, собирался на ней жениться. Может, так и произошло бы, но баритона переманили в Северную столицу, куда он обещал забрать Клару и дочку Лилю, когда сам там обустроится. Но, решив бытовые проблемы на новом месте, баритон о своих обещаниях забыл, встретил другую женщину и отношения с Кларой прервал окончательно.

Официального мужа у Клары Самойловой никогда не было, но поклонники у эффектной женщины не переводились. Случалось, что отношения перерастали в совместное проживание, но к официальному браку ни один из ее романов так и не привел. Всех своих кавалеров Клара сразу же приучала к мысли о том, что она, как мать теперь уже двоих детей, нуждается в помощи, и безразличия к своим материальным проблемам мужчинам не прощала.

Жили они трудно, но ни одной жалобы вслух никто и никогда не произносил. Проблемы существовали, но как-то решались, а трудности как-то преодолевались. Девочки очень дружили, Лиля была всего на год старше Сони и никогда не пыталась жалеть осиротевшую двоюродную сестру, боясь оскорбить ее или унизить. Они существовали в доме на равных, рано приучились к самостоятельности, все домашние обязанности по справедливости распределяли между собой. Только увлечения у них были разные. Лиля была очень активной, спортивной, зимой она все свободное время пропадала на катке, летом гоняла на велосипеде. Она дружила с девочкой, у которой папа работал тренером в самом большом городском спорт-комплексе, и благодаря этому три раза в неделю бесплатно посещала бассейн. А Соню, когда она немного привыкла к изменениям, произошедшим в ее жизни, Клара решила отдать в музыкальную школу. Все равно девочка большую часть времени крутилась у пианино, тыча пальчиками в клавиши, и каждый день просилась взять ее на репетицию и на спектакль.

Соня самозабвенно полюбила театр с того момента, как впервые, будучи пятилетним ребенком, переступила его порог. Скрип тяжелой двери служебного входа казался ей волшебной музыкой, она старалась тщательнее рассмотреть певиц в сценических нарядах, обмахивающихся пушистыми веерами перед выходом на сцену. Если с какого-то пышного наряда случайно слетала блестка, Соня немедленно подбирала ее и прятала в карман. Как только раздвигался занавес, Соня, если у нее в тот день не было компании и она слушала спектакль из-за кулис, замирала с широко раскрытыми глазами на своем стульчике, который для нее ставили рядом с мастером сцены, и почти не дышала до тех пор, пока не кончалось действие. Клара с улыбкой наблюдала за тем, как племянница, выпрямив спинку, шевелит губами, повторяя тексты оперных партий. И когда Соня немного подросла, она попросила театрального настройщика привести в порядок свое не новое, но все еще очень хорошее немецкое пианино и приняла решение.

В музыкальной школе, в отличие от общеобразовательной, Соня училась хорошо. У нее были необходимые для пианистки природные данные: длинные пальцы с хорошей растяжкой, абсолютный слух, кроме того, она была очень музыкальна. В общеобразовательной школе дела шли куда хуже. И вовсе не из-за того, что Соня была глупа или ленива. Ей просто не нравилась школьная атмосфера, ее раздражали глупые, невоспитанные, хамоватые одноклассники. Ей не о чем было с ними разговаривать, они ничего не понимали в музыке.

По-настоящему интересно Соне было в компании «театральных» детей, коих в театре обреталось не так уж мало. Это были дети солистов и солисток, дирижеров, режиссеров, концертмейстеров. И даже сына директора театра из-за кулис было не выманить калачом. У детей была небольшая разница в возрасте, но в общении они этого не замечали. И не делили друг друга на старших и младших. Это была некая общность ребят, причастных к чему-то особенному. К театру! Многие родители, которым не с кем было оставить своих чад в родном городе, таскали детей с собой на гастроли. И там у младшего театрального поколения была настоящая вольница.

Лиля никогда не ездила с мамой. Два летних месяца она проводила всегда одинаково: один за городом, на даче у подруги, с которой дружила с самого раннего детства, другой – в лагере со спортивным уклоном с той же самой подругой. А Соня охотно ездила с Кларой по городам и весям. Если выпадал случай, когда гастроли проходили в приморских городах (а тогда, бывало, присоединялась и Лиля), – это было отдельное счастье. Детский коллектив сплачивался, становился дружной семьей. Накупавшись и нагулявшись, дети прихорашивались, чтобы вечером прийти на спектакль.

В оперетте «Цветок Миссисипи» они даже выполняли полезную функцию, зарабатывая себе на мороженое. Ребят помещали на высоту, с которой они должны были скидывать в зрительный зал бумажные афишки и кричать: «Ура, к нам приехал «Цветок Миссисипи»! К нам приехал «Цветок Миссисипи»! Ура!»

Как-то раз перед спектаклем детям, как обычно, раздали пачки отпечатанных афишек, оставалось срезать с них упаковочные ленты и занять условленную позицию. Но тот день у маленьких работников оказался особенно насыщенным, он требовал более оживленного обсуждения, чем обычно. Они были чрезвычайно взбудоражены в тот момент, когда со сцены уже произносились слова, предвосхищавшие их «выступление». Миша, четырнадцатилетний сын главного дирижера, едва успел схватить свою пачку афишек, но не успел понять, что в

ней не так. Широко размахнувшись, он закричал во весь голос: «Уважаемая публика! К нам приехал «Цветок Миссисипи»!» – и со всего размаху швырнул пачку в зрительный зал. Когда листки бумаги не закружили по залу, стало понятно, что дети забыли срезать упаковочные шпагаты, и упитанная пачка угодила прямо на голову безмятежному зрителю. Был ужасный скандал, детей лишили гастрольного приработка, но даже эта финансовая неприятность не омрачила их настроения. А сколько потом анекдотов было рассказано на эту тему! Сколько слез от смеха они пролили, укатываясь от пересказа этой истории по возвращении в родной город тем детям, которые в тот раз на гастроли не поехали! В театре, где всегда звучала прекрасная музыка, где дети и подростки говорили на одном языке, там была жизнь, которая Соне нравилась. Все остальное ей было неинтересно.

В восьмом классе ее дневник являл собой редкое зрелище: в нем не было практически ни одной четверки. По истории, русскому языку, литературе, обществоведению, географии, английскому и некоторым другим дисциплинам, не вызывавшим у нее неприятия, Соня всегда получала только «пять». По точным наукам она нечеловеческими усилиями кое-как вытягивала дрожащую тройку. Когда Соня перешла в восьмой класс, Клара обегала всех учителей, серьезно поговорила с классным руководителем. Суть ее просьбы сводилась к тому, чтобы преподаватели пожалели сироту и дали спокойно получить документ, в котором не будет двоек по алгебре и геометрии. Клара объяснила, что после восьмого класса девочка будет поступать в музыкальное училище, так что потерпеть неспособную к точным наукам ученицу им придется совсем недолго. Учителя пошли тетке навстречу.

И действительно, на следующий год Соня поступила в музыкальное училище и забыла школу как страшный сон. В училище, конечно, тоже первые два курса преподавали некоторые точные дисциплины, но чисто символически: учителя прекрасно понимали, что будущим музыкантам математика в дальнейшей жизни совершенно не нужна.

Соня училась с удовольствием, но не очень задумывалась о своем завтрашнем дне, о том, где и кем она будет работать. Ведь жизнь уже преподала ей один урок, еще в самом нежном возрасте: никогда ничего нельзя планировать наперед. Жила когда-то маленькая хорошая девочка с любящими родителями, но аварийная ситуация на дороге перемолола и жизни, и судьбы, и планы… Что загадывать? Нужно жить тем, что есть сегодня, а что делать дальше, подскажет наступивший завтрашний день.

Активная Лиля была с кузиной не согласна, но, учитывая жизненные обстоятельства, в которых оказалась Соня, никогда с ней не спорила. Лиля вообще всегда имела свое мнение по любому предмету, но и за другими оставляла то же право.

Соня усердно и с удовольствием занималась, а в свободное время с удовольствием изучала оперные клавиры. Клара это ее увлечение очень даже поощряла: ну где еще ей дадут спеть оперную арию, как не дома под аккомпанемент племянницы?

Несмотря на то что у Клары не было мужа, у Лили отца, а у Сони вообще обоих родителей, никто из них троих не считал свою семью неполноценной. Жительницы маленького женского мира, как могли, оберегали его, и в их доме царили любовь, полное доверие и взаимопомощь.

Соня еще училась в училище, когда Лиля, активная поборница здорового образа жизни, окончила одиннадцать классов и решила, что нет более благородного и уважаемого дела, чем охрана здоровья людей. Благо училась Лиля на одни пятерки: жесткая самодисциплина и завидная память позволяли ей осваивать школьную программу без каких-либо затруднений. В медицинский институт, правда, без соответствующих знакомств было поступить нелегко, и вся семья волновалась за девушку – получится ли? У целеустремленной Лили все получилось. Когда дома праздновали ее зачисление на первый курс, Лиля встала произнести свой тост и сказала:

– Это вы, девушки, должны радоваться, что я поступила в медицинский. Вы должны радоваться даже больше, чем я! Мамулька у нас уже не первой свежести, – хихикнула Лиля, в ту же секунду получив от Клары полотенцем по спине, – скоро начнет канючить, скрипеть, а тут – я всегда под рукой. Сонька у нас вообще фиалка, на нее дунуть нельзя, всю дорогу чем-то болеет. Так что радуйтесь, девушки, скоро у вас будет семейный доктор.

Все и радовались. Когда подошел Сонин черед выбора жизненного пути, то в ее решении никто не сомневался. Если бы, конечно, у Сони был голос, если бы она могла петь…

Еще маленькой девочкой она приходила с Кларой с вечернего спектакля и принималась отчаянно мечтать. Улегшись в кровать и убедившись, что Лилька

сопит во сне, Соня представляла себя на оперной сцене. Не закрыв глаза, не в видениях, а вполне даже активно. Она садилась на кровати, надевала на голову шерстяные колготки, которые заворачивала вверху наподобие высокого парика, распушала кружевную ночную рубашку, выгибала тонкую ручку так, словно в ней находится веер, игриво поднимала детские бровки и выводила шепотом, например, первые слова каватины Розины из «Севильского цирюльника»: «Я так застенчива, так простодушна…»

Однажды во время детского спектакля проснулась Лилька, спросила сонно и ласково: «Ты чокнулась, что ли, мелюзга?» Соня что-то прошипела о том, что Лилька только и умеет перебирать ногами по катку, но впредь решила устраивать детские спектакли только тогда, когда никого не будет дома.

К сожалению, Соня часто болела: ангины, бесконечные ларингиты и тонзиллиты сделали свое дело, у девочки было хроническое несмыкание голосовых связок, так что ни о каком пении даже речи быть не могло – у Сони не было голоса. И всю свою любовь к музыке она сконцентрировала на фортепиано.

После окончания музыкального училища Соня, само собой, поступила на фортепианное отделение Института искусств. В театре она стала бывать от раза к разу, приходила только на премьеры и самые любимые спектакли, дружная детская компания почти распалась, из всех ее участников только Соня и еще одна девочка выбрали музыкальную карьеру, остальные получали образование в других вузах, обзавелись новыми друзьями, встречались редко.

Из всех «театральных» детей Соня сохранила отношения только с Мишей, ее поклонником на протяжении многих лет. Они не были парой в полном смысле этого слова, у Сони в училище появилось много ухажеров, Мишу она тоже порой встречала на улице с девушками, но между ними всегда существовала устойчивая эмоциональная связь. С Соней Миша был застенчив и, если чувствовал, что она в данный момент интересуется кем-то другим, потихоньку отходил в сторону, боясь быть навязчивым. Но когда они встречались, то чудесно проводили время, а в промежутках между своими прочими увлечениями, бывало, и романтические вечера. В театр теперь Соня ходила только с Мишей, и это сближало их еще больше.

Соня понимала, что Миша относится к ней очень серьезно и ничего не требует только из-за боязни отвратить ее от себя, потерять. И в принципе ее такое положение вещей устраивало. Она высоко ценила дружбу, а любви ей испытать

пока не довелось. Некие увлечения, конечно, случались, но они были мимолетными, какими-то неважными, и в короткий срок таяли, не оставляя следа. Удовлетворив первое любопытство, в очередной раз убедившись в силе своих женских чар, Соня, как правило, остывала, теряла к ухажеру интерес. Ни один из знакомых юношей пока не мог привлечь ее внимание всерьез. Хорошенькая девушка пользовалась успехом, который давал ей право всматриваться в окружавших ее мальчиков более оценивающе и внимательно. В итоге в одном она разглядела инфантильность, в другом завышенную самооценку, в третьем несамостоятельность, в четвертом раздражающую робость и так далее.

К двадцати годам Соня из хорошенькой, воздушной девочки, в образе которой она пребывала дольше других, превратилась в весьма и весьма интересную барышню. У нее были пышные волосы настоящего пепельного цвета, и она, нимало не заботясь о моде, с достоинством носила длинную толстую косу. У нее было белое личико с тонкими чертами, игриво очерченный рот и необыкновенные глаза: светлые-светлые, с едва заметным фиалковым оттенком, но обрамленные черными ресницами и бровями, какие обычно бывают у жгучих брюнеток. Это несоответствие делало глаза девушки загадочными и притягательными. Несмотря на невысокий рост и субтильность, Соня производила яркое впечатление.

День, когда она познакомилась с Павлом Волковым, был ослепительно солнечным, наполненным всеми присущими маю ароматами. Все вокруг цвело и благоухало, небо было голубым и бездонным. Выйдя после занятий из института, Соня с удовольствием вдохнула вкусный воздух и стала размышлять, чему посвятить оставшуюся часть такого прекрасного дня. Пока она перебрасывалась репликами с другими студентами, ее окликнули.

– Сонечка, у тебя на сегодня все? Занятий больше нет? – остановил ее на пороге Анатолий Михайлович, преподаватель теории музыки с очень музыкальной фамилией Глазунов, у которого Соня вообще-то была в некотором долгу.

Глазунов обожал оперу, а еще больше обожал свою третью по счету жену, высокую брюнетку, которая имела глубокое, тембристое меццо-сопрано, и Соне оперная дива Глазунова тоже очень нравилась. Благодаря объединяющей их любви к оперному искусству Соне иной раз прощались некоторые шероховатости в выполненных заданиях, и она получала оценки, поставленные часто не по реальным заслугам, а из хорошего отношения к ней преподавателя, с которым

она с удовольствием обсуждала все театральные постановки и успехи его супруги.

– Да, Анатолий Михайлович, – шагнув навстречу, ответила девушка, – на сегодня я уже отстрелялась.

– Деточка, тогда я тебя кое о чем попрошу, – сказал преподаватель, взяв Соню под локоть и увлекая назад, в здание института.

Соня и не думала сопротивляться. Теоретические предметы она терпеть не могла, для нее они были такой же костью в горле, как математика в ненавистной школе, поэтому хорошим отношением теоретика она очень дорожила и готова была помочь во всем, о чем он попросит.

– Мои все разбежались, – развел руками Анатолий Михайлович, – некого попросить, как ветром всех сдуло. Можешь немного задержаться?

– Конечно, Анатолий Михайлович, – весело отозвалась Соня. – Что за дело?

Они шли по коридору в направлении кабинета Глазунова.

– У меня есть один добрый знакомый, – начал объяснять преподаватель, – у нас дачи рядом, приятельствуем домами, так сказать. У него сын – способный парень, пишет песни. Он оканчивает школу милиции. Так вот, у них там какой-то смотр-конкурс, на котором он должен будет исполнять свое сочинение. Но парень нотной грамоте не обучен. А он хочет, чтобы песня исполнялась ансамблем. В общем, дело плевое: он тебе сыграет, ты запишешь мелодию нотами.

– А как он играет, раз нот не знает? – удивилась Соня.

– Девочка, разве все, кто бренчит на гитаре, знают ноты? – улыбнулся ее учитель. – Вчера вечером на даче он у меня совета попросил, я сказал, чтобы он пришел сегодня, а сам забыл. Парень пришел, а всех моих теоретиков уже и след простыл. Неудобно, что он зря ехал. Поможешь?

Информация о парне, который оканчивает школу милиции и пишет милицейские песни, Соню совершенно не вдохновила. Можно себе представить, что это за песни такие! Но деваться некуда, да и задание представлялось легким: что может написать милицейский выпускник? Три ноты, три аккорда. Ерунда!

Анатолий Михайлович пропустил Соню первой в кабинет и представил находящегося там молодого человека:

– Вот, Сонечка, познакомься, – сказал он. – Это Павел, ему нужна небольшая помощь. Вы можете располагаться здесь, сейчас тут занятий не будет. Я вас оставлю, можете спокойно работать.

Как только преподаватель вышел, парень шагнул Соне навстречу.

– Не ожидал, что придется иметь дело с такой очаровательной девушкой, – с комплимента начал он. – Я думал, что Анатолий Михалыч мне какого-то своего зубрилку откомандирует. К встрече с принцессой, простите, оказался не готов. Если бы знал, какой меня ждет сюрприз, захватил бы с собой самую красивую розу. Белую. Достойную вас.

Соня смутилась. Молодой человек улыбался, смотрел ей прямо в лицо, говорил приятные слова. Но не в этом дело. В нем чувствовался такой напор, с которым ей раньше сталкиваться не приходилось. Говорил он уверенно, ни на йоту не был смущен. Глаза девушки против ее воли стали изучать незнакомца, а молодой человек на время этих «смотрин» умолк, продолжая улыбаться, позволил себя разглядеть, как будто так и было нужно, будто это являлось обязательной частью какого-то ритуала.

У Павла Волкова были аккуратно подстриженные темно-русые волосы с пепельным, почти как у Сони, оттенком, внимательные голубые глаза с длинными ресницами, широкие темные брови, хищный прямой нос, твердый подбородок. Соне показалось, что в его чертах лица есть что-то ястребиное. Павел был выше среднего роста, имел крепкую спортивную фигуру.

– Мне будет неловко демонстрировать свою музыкальную неграмотность профессионалу, – все так же улыбаясь, сказал парень, когда вышло время, положенное для составления первого впечатления. – Я всего лишь дилетант.

– Вам не нужно быть музыкально грамотным, если вы собираетесь служить в милиции, – ответила Соня. – Каждому – свое. Чем я могу вам помочь? Как я поняла, нужно записать вашу песню нотами?

– Именно так, – кивнул Павел, – понимаете, это будет большой конкурс, я хочу, чтобы мне аккомпанировал ансамбль, надо, чтобы ребята выучили свои аккорды. В общем, надо всю песню записать нотами, и аккомпанемент тоже.

– Это ваш вузовский конкурс? В школе милиции так много сочиняющих курсантов? – удивилась Соня.

– Не совсем, – ответил новый знакомый. – Конкурс межвузовский. В нем будут принимать участие и военные, ну, в общем, несколько учебных заведений.

– Захотелось блеснуть, обязательно победить? – поддела его девушка.

– Ну, – хмыкнул, пожав плечами, Павел. – Если не рассчитывать на победу, то зачем вообще участвовать?

– Тоже верно, – согласилась Соня. – Тогда давайте начнем.

Два часа пролетели как одно мгновение. Песня Соне неожиданно понравилась. Вообще-то ее нежное музыкальное ухо критически воспринимало самодеятельное пение под гитару, но голос у Павла оказался приятным и даже проникновенным, слова песни правильными и не содержащими штампов и безвкусной пошлости. Мелодия была простой, но приятной и даже оригинальной. Соня быстро записала песню на нотный лист, предложила несколько идей, которые могли бы разнообразить и украсить гармонию, на которые Павел с удовольствием согласился. Они занимались с увлечением, не считая времени, пока в кабинет не вернулся за своим портфелем Анатолий Михайлович.

– Вы еще здесь? А я уже успел на кафедре позаседать. Вижу, что дела идут успешно, – заметил он, косясь на увлекшуюся парочку.

Соня и Павел отпрянули друг от друга. Соня, покраснев и смутившись, Павел – с видом джентльмена, боящегося скомпрометировать даму.

– Мы уже закончили, – вставая со стула, сказал он. – Спасибо, Анатолий Михайлович, Соня мне очень помогла.

– Ее и поблагодари, – ответил преподаватель.

– Ее я поблагодарю отдельно, – многозначительно взглянув на девушку, ответил Волков.

После того как дело было закончено, Павел получил от Сони необходимые инструкции, и они якобы в деловых целях обменялись телефонами. Новый друг, разумеется, вызвался проводить девушку домой.

Теплый майский вечер был прекрасен, и Соня вела себя так, как вела бы любая другая девушка ее возраста, оказавшаяся в компании привлекательного молодого человека: интересничала, старалась блеснуть эрудицией, не избегала показаться перед новым знакомым в самом выгодном для ее фигурки ракурсе. Но продолжалось это недолго, очень скоро Павел взял инициативу в свои руки, много и увлеченно говорил, смеялся, смотрел ей в глаза. Он налетел на девушку хищной птицей. Он будто ее парализовал. Соня чувствовала, что во что бы то ни стало хочет понравиться этому парню, от него шел такой мощный поток чувственной энергии, что Соня волей-неволей испытывала сильное волнение. И когда Павел предложил зайти в кафе и выпить по бокалу сухого вина, Соня даже не подумала отказаться. Бабочки трепыхались где-то в районе живота, она предвкушала момент, когда Павел отбросит свою браваду, когда ему надоест изображать роковую брутальность, когда его внимательные голубые глаза перестанут быть иронично прищуренными, а вдруг станут одновременно сумасшедшими, нежными и влюбленными. Так думала Соня в предвкушении чего-то необыкновенного, в ожидании какой-то особой женской власти, которую она, возможно, получит над этим интересным парнем.

Они вышли из кафе, когда уже стемнело – так заговорились. Павел спросил, где она живет, крепко взял за руку и повел в направлении указанного адреса. Перед ее домом Павел остановился, приготовился что-то сказать на прощание, но потом посмотрел по сторонам и, убедившись, что зевак поблизости нет, привлек девушку к себе. Но сделал он это совсем не так, как делали бывшие Сонины ухажеры. В его движениях была такая уверенность, что Соня не смогла даже возмутиться смелостью объятий, слишком уж откровенных для первого дня знакомства. Павел уверенно гладил ее по спине, опуская руку все ниже и ниже, целовал в губы и шею. Соня была настолько же ошарашена таким напором,

сколько и возбуждена. Она дрожала всю ночь, ее тело горело, а мысли были только об этом парне – таком непохожим на всех ее приятелей. Она уснула только в четыре утра. На следующий же день отношения с Павлом стали самым главным событием ее жизни, они обрушились на нее как ураган.

Конечно же, в конкурсе Павлу Волкову, выпускнику Высшей школы милиции, досталось первое место и все лавры победителя. Соня волновалась, болела за него, естественно, пришла послушать. Выступление ее нового знакомого разительно отличалось от прочих: Соня вообще очень скептически относилась к любой самодеятельности, в том числе и к так называемой авторской песне, и все, что она слышала со сцены, казалось ей смешным, неуклюжим, а то и откровенно халтурным. Павел, в отличие от других, не фальшивил, не пел о присяге, долге и нелегкой службе, к которой были готовы все остальные. Его песня была ритмичной, задорной. Хорошо сыграл и его маленький ансамбль. У Павла был приятный голос, Соне нравилось, как Павел двигается, нравились его широкие плечи, прищур глаз, насмешливая улыбка. После конкурса он, и не подумав спросить у нее разрешения, представил Соню друзьям как свою девушку, прилюдно поблагодарил за помощь в аранжировке и подарил большой букет роз. Внутри букета оказалась маленькая коробочка с дорогими импортными шоколадными конфетами. Соня не привыкла к такому напору, к такой скорости, но критически отнестись к происходящему мешало одно обстоятельство – Павел ей нравился.

Их роман развивался с бешеной скоростью. После окончания милицейского вуза Павел определился на службу в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Как поняла Соня, совершенно не разбиравшаяся в этой сфере, устроиться именно туда было не так легко, удалось это Павлу благодаря помощи отца, который занимал какую-то должность (она опять же сразу не запомнила) в облисполкоме.

Многое из того, что говорил Паша, ей было не совсем понятно. Соня выросла в женском обществе, ее детство прошло в творческой атмосфере театрального мира, институтские знакомые – не все, конечно, но многие – были примерно того же воспитания, имели те же вкусы, понятия и ориентиры. Практическую сторону жизни в ее кругу обсуждали редко. Разве что девчонки между собой сетовали на то, как стало трудно прилично одеваться. Товаров, конечно, стало больше, появился выбор, но поди-ка купи все, что хочется. Ну и Клара периодически ворчала, возмущаясь ростом цен на продукты. Павел был другой, он твердо стоял ногами на земле. И, похоже, свою жизнь уже полностью распланировал.

Соня и Павел были очень разными, но девушке некогда было задумываться об этом, Волков не оставлял ей времени на размышления. Они стали активно встречаться, очень скоро в их отношениях появился секс, они быстро сближались. Павел стал бывать у Сони дома. Клара и Лиля на его появление отреагировали молчанием, то есть его, конечно, приглашали к столу, с ним разговаривали, но своего мнения о Сонином ухажере никто не высказывал.

Следующим шагом было представление Сони семье Павла. Младший брат Антон, озорной, веселый парнишка, Соне понравился, а родители показались людьми с какой-то другой планеты. Пашина мама была слишком сильно, на Сонин взгляд, осыпана пудрой, тяжело благоухала дорогим парфюмом, и обилие украшений на ее шее, пальцах и в ушах тоже было несколько чрезмерным. Римма Матвеевна говорила с Соней покровительственным тоном, хотя и вполне мирно, смотрела на нее оценивающе, с некоторым сожалением и одобрением одновременно. Соне почему-то показалось, что такой матери, наверное, в глубине души хочется иметь невестку-сироту.

Отец, Константин Александрович, разговаривал мало, казалось, что ему ни до чего нет никакого дела. Он оживлялся, только когда по телевидению шли политические программы, в которых кто-то кого-то разоблачал, и рассмешить его можно было только дракой парламентариев, съемкой известного деятеля в бане и чем-то подобным. Его общение с женой и сыновьями носило форму отдачи распоряжений и поручений, которые члены семьи должны были исполнять. Голос главы семейства отнюдь не был командным, скорее наоборот – он говорил довольно тихо, однако никто и не думал оставлять его приказы без исполнения.

Павел прекрасно понимал, что Соня – существо из другого мира, поэтому настаивать на установлении какой-то близости между ней и своими родителями не собирался. Однажды, когда он провожал ее домой после ужина, проведенного в кругу его семьи, Павел сказал:

– С предками, конечно, хорошо, и обед всегда готов, и материально попроще, всегда можно запросто копейку перехватить, но жить мы с тобой будем отдельно. Справишься?

У Сони округлились глаза.

– Что значит: будем жить отдельно? – ошарашенно спросила она. – Ты что, вот так делаешь мне предложение?

– А почему нет? – пожал плечами Павел. – Ты что, против?

– Просто это как-то очень неожиданно, – смутившись, ответила девушка. – Мы еще так мало времени вместе, я институт не окончила…

– Сонечка, не ерунди, – ласково сказал Павел, приобняв ее за плечи. – Мы мало времени вместе – это правда, но за этот промежуток мы с тобой прошли путь, на который другие тратят годы. Разве не так? Мы с тобой спринтеры, вот мы кто.

Он улыбнулся своему сравнению и, как всегда, не дав Соне времени на размышления, заявил:

– Да и что тут думать? Мы любим друг друга, нам хорошо вдвоем. Ты самая прекрасная и нежная девушка в мире. Я хочу быть с тобой, не хочу с тобой разлучаться. Разве это не повод для того, чтобы пожениться и жить вместе?

Он помолчал, глядя ей в лицо, потом внезапно посерьезневшим голосом добавил:

– Если, конечно, ты так же любишь меня, как я тебя.

– Конечно, я тебя люблю, – поспешила успокоить любимого Соня. – Какие могут быть сомнения? Просто я не очень себе представляю, что такое самостоятельная жизнь… Как все это будет: как и где мы будем жить, и все остальное…

– Тебе не надо об этом думать, милая, – ответил Павел. – Я мужчина, думать об этом – моя обязанность.

После этих слов он крепко прижал ее к себе. Соня хотела еще что-то сказать, но он не позволил – впился в ее губы поцелуем, как всегда, не давая вздохнуть, не давая опомниться.

Домашние отреагировали на новость довольно прохладно. Лиля считала, что Соне еще рано выходить замуж. Во-первых, она пока учится, она еще не

получила профессию, не закончила образование. Одно дело незамужняя девушка, которая имеет отношения с парнями, она и предохраняется более тщательно, и вообще ведет не такую активную сексуальную жизнь, какая начинается у молодоженов. Что, если Соня забеременеет, не окончив институт?

Это был веский аргумент в пользу того, чтобы не спешить. Пианисты прекрасно знают, как может отразиться на руках длительный перерыв в занятиях. Это чревато тендовагинитом – профессиональным заболеванием музыкантов. Нагрузка, которая дается рукам после перерыва в занятиях, провоцирует боли и опухание, пианисты называют это «переиграть руки».

Соня задумалась. Клара добавила и другие аргументы. Она считала, что Соня слишком недолго знакома с Павлом, плохо представляет себе, что он за человек.

– Я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу и никогда не вышла замуж, – говорила она. – Но вы с Павлом очень разные, ты очень мало его знаешь. Любовь, страсть – это прекрасно, но, когда люди начинают жить вместе, этого становится мало. И потом мне кажется, что он подавляет тебя, такой парень, как он, всю жизнь будет за тебя все решать. С ним вряд ли ты будешь принимать какие-то самостоятельные решения. Ты рядом с ним как кролик перед удавом.

Соня чувствовала, что в словах Клары есть большая доля истины. В их дуэте Павел действительно вел первую партию. Но так ли уж это плохо?

– А может, это не так уж плохо, а, Клар? – возразила Соня. – Если он считает, что сам должен принимать решения, значит, он будет нести ответственность за свою семью. А что, лучше жить с рефлексирующим нытиком, с романтическим хлюпиком? Я их насмотрелась в институте, они только и могут, что устраивать выяснения отношений и закатывать глаза. А Павел взрослый, он настоящий мужчина.

– Может, ты и права, девочка, – ответила тетка. – Наверное, такой девушке, как ты, и нужен мужчина, который будет надежным плечом. Главное, чтобы Павел был именно таким. А мы пока плохо знаем, какой он, твой Павел.

На самом деле Клара в первый же визит Сониного ухажера в их дом составила определенное мнение на его счет. Она была опытной женщиной и хорошо знала мужчин. Она заметила, каким оценивающим взглядом он одарил Лилю, когда та

не видела, да и на Клару, очень привлекательную для своих лет женщину, он посмотрел не с полагающимся почтением, а с чисто мужским интересом.

Клара хорошо знала эту кошачью породу мартовских охотников, их глаза она изучила на протяжении жизни очень хорошо и ни с чем бы не перепутала. Такие мужчины, даже имея счастливый брак, не могут сконцентрироваться на одной-единственной женщине. Но говорить об этом Соне ей не хотелось. Во-первых, может, Павел окажется другим и, женившись, перестанет стрелять прищуренными глазами по сторонам. А во-вторых… Соня влюблена, если Клара ее сейчас отговорит, кто знает, а вдруг она упустит свое счастье, свою судьбу? И останется такой же одинокой, как она сама, на всю жизнь. Внешняя привлекательность вовсе не гарантирует женщине счастливую судьбу, это Клара знала по себе. Непонятно только, зачем так спешить, что за гонку устраивает Павел? Хотя и тут объяснение имелось: это Соня пока студентка, а он старше, уже работает, ему уже неинтересно жить с родителями, ему хочется полноценной личной жизни. Его можно понять.

И Клара не стала отговаривать Соню от поспешного решения.

Павел решил, что свадебное торжество им не обязательно.

– Зачем нам вся эта свадебная дребедень? – рассуждал жених. – Расходов – куча, а толку? Напьются все до поросячьего визга, да и только. И вообще все эти жлобские навороты с прохождением мостов, ленточками на машинах… Не нравятся мне эти свадьбы с куклами на бамперах. И невесты с прическами, как у кукол, тоже.

Соня вообще-то представляла свою свадьбу несколько иначе, ей самой не нравились куклы и ленты. Не нравился ей и ресторанный дух на больших мероприятиях, ее тошнило от этого запаха. Ей представлялось небольшое тихое кафе, элегантное светлое платье, большой букет роз, близкие друзья и подруги, танец, который полагается запоминать на всю жизнь. Да и девчонки в институте уже предвкушали событие, потому что Соня на их курсе выходила замуж первая. Со второго, третьего курса в ЗАГС, как правило, не ходили, если и случались свадьбы, то на последних годах обучения. Но Соня считала, что не имеет права голоса в данном вопросе по той простой причине, что финансирование вопроса было делом родителей Павла, значит, и решение должно приниматься в той

семье.

Соня не раз бывала у Волковых и представляла себе уровень их благосостояния, который не шел ни в какое сравнение с положением ее семьи. Ей даже закралась в голову неприятная мысль о том, что Павел и его родители просто пожалели денег, но мысль эту она отбросила сразу, как только Павел продолжил излагать свои идеи.

– Я предлагаю другой вариант, – заявил он тоном, каким обычно не предлагают, а уже озвучивают принятые решения. – Чем тратить деньги на свадьбу, пусть лучше родители купят нам машину. А вместо свадьбы мы с тобой поедем в Ялту. Я уже говорил с отцом насчет путевок.

– Ты же только что поступил на службу, – засомневалась Соня. – Разве тебя отпустят в отпуск? Вот так, сразу?

Павел засмеялся.

– Какой же ты ребенок, ей-богу, – он легонько щелкнул Соню по кончику носа. – Ты забыла, кто мой папа? Для него этот вопрос решить – вообще не проблема. Ты как с луны упала, честное слово.

В девяностые годы облисполком, где Константин Александрович Волков занимал должность начальника Управления делами, имел свою, по тем временам шикарную базу отдыха. На бюджетные средства была выкуплена часть ялтинского санатория «Россия», принадлежавшего в былое время ЦК КПСС. И теперь по путевкам туда ездили чиновники, депутаты и еще кое-какие большие люди. Бывшие профсоюзные и ведомственные санатории пребывали уже не в лучшем состоянии, да и расположение у них было не столь завидным. Другое дело бывшая «цековская» «Россия». Она находилась между Ялтой и Ливадией, окруженная прекрасным садом и кипарисовыми аллеями. На пляж спускался лифт, до центра Ялты можно было дойти минут за двадцать. Санаторий был вылизан до блеска, сервис и питание там были на высоком уровне. Павел знал это не понаслышке: там отдыхали его родители, один раз там были и они с Антоном.

Мысли о светлом платье, большом букете роз и танце, о котором надо помнить всю жизнь, мгновенно вылетели из Сониной головки. Она столько лет не была на

море! От предвкушения путешествия у нее закружилась голова. Они с Пашей будут гулять по набережной, дышать упоительным морским воздухом, купаться на закате, слушать шум прибоя по вечерам. Фантастика! Вопрос о свадьбе был решен в ту же минуту, и Соня уже не могла дождаться вожделенного дня регистрации.

Поскольку торжеств не намечалось, зарегистрироваться решили в районном ЗАГСе. Молодые появились, одетые для предстоящего путешествия, но вместе с тем достойно для посещения ЗАГСа. Павел был в белых тонких брюках, белых туфлях и шелковой светлой рубашке, а Соня в легком шелковом платье нежного бежевого цвета с рисунком из ярких райских птиц. Пара смотрелась чрезвычайно эффектно, и выглядели они абсолютно счастливыми, сияли. К ЗАГСу пришли и Пашины приятели, и однокурсницы Сони, поздравили, выпили шампанского. Волковы пригласили Клару и Лилю пообедать в ресторане, отметить событие, а молодых посадили в машину и отправили на вокзал. Они должны были успеть на киевский поезд, чтобы там сделать пересадку на поезд до Ялты.

Медовый месяц пролетел как один день. Соня была счастлива, она пребывала в таком восторге, что Павел чувствовал себя на высоте: это ведь он предложил вместо свадьбы поехать в Крым. Соня впервые отдыхала на таком уровне. Санаторий оказался действительно достойным, корпуса окружали благоухающие аллеи и многочисленные клумбы, в саду имелось множество романтических беседок и душистых кустарников. В номерах стояла импортная сантехника, новая деревянная мебель, имелась огромная веранда. Соню поразила «столовая», которая на деле являлась шикарным обеденным залом с монументальной хрустальной люстрой. Между столиков ходили с тележками вежливые, улыбающиеся официантки и предлагали блюда на выбор. Качество питания тоже приятно удивляло: на закуски здесь подавали холодные языки, криль, слабосоленую семгу. Горячие блюда поражали разнообразием и не повторялись изо дня в день. Здесь Соня впервые в жизни попробовала осетровую уху и многое другое, например спаржу и печеночный кокот.

Днем они с Пашей загорали и купались, потом обедали и отправлялись в город. Там шатались по магазинам, пили крымское вино, гуляли по набережной. Раз в три дня ездили на экскурсии, осматривали близлежащие достопримечательности, катались на катере по морю. Вечера они завершали, устроившись на веранде, за игрой в карты. Ночи были полны страсти, клятв в вечной любви и верности, мечтаний о прекрасном будущем. Им хватало

несколько часов отдыха, очень уж жалко было тратить время на сон.

Из Крыма молодые вернулись отдохнувшими и загоревшими, надо было браться за серьезное дело – обустраивать новую жизнь.

Квартиру, в которой Соня жила с родителями до их гибели, Клара сдавала в помощь к их вечно трещавшему по швам семейному бюджету. Квартира была в отдаленном от центра районе города, да еще и в старом доме, потому денег приносила – сущие копейки. Клара предложила молодым отправиться на жительство туда, но Павел категорически отказался. Он привык жить в других условиях. Убитая квартирантами квартирка у черта на куличках его никак не устраивала. У его отца имелся хороший участок земли в престижном районе, в тихом месте центральной части города. На семейном совете, в котором Соня, правду сказать, не принимала никакого участия, было решено, что на этом участке надо строить дом. Не особняк, конечно, но добротное, комфортное жилище.

Но понятно, что стройка – дело не одного года, даже если отец будет оказывать активное финансовое участие, это план не на ближайшую перспективу – Павел сам должен встать на ноги. А пока молодым было предложено пожить в квартире, которая досталась в наследство матери Павла, Римме Матвеевне, и уже не первый год пустовала. Молодая семья могла жить там, правда, на птичьих правах, жилье так и оставалось собственностью Сониной свекрови, но какая разница? Главное, что они были молоды, здоровы и счастливы.

Соня и Павел с энтузиазмом стали приводить семейное гнездо в соответствие своим вкусам. Для более сложных работ приглашали мастеров, кое-что делали сами. Они так увлеклись, что ни о чем другом и не думали до того самого момента, пока не сбылось Лилино пророчество – Соня забеременела.

Глава 2

Соня посещала занятия почти до самых родов. Физически она переносила беременность довольно неплохо, но в душе очень боялась. Ее жизнь менялась слишком стремительно.

С появлением Павла все стало другим: ее захватили сначала новые эмоции, потом новые «взрослые» заботы. Во-первых, надо было срочно учиться готовить, и Соня часами пытала Клару, проходя у нее курс молодого кулинара. Кроме кулинарии, появились и другие обязанности, которыми раньше занималась Клара: оплачивать счета, делать покупки и тому подобное.

Когда Соня поняла, что беременна, ей сделалось страшно. Она даже не сразу сообщила об этом Павлу: а вдруг он не обрадуется, ведь в их возрасте многие хотят еще погулять, пожить «для себя»? Но Павел воспринял новость хорошо. Сказал, что жаль, конечно, Соня не успела окончить институт и ей придется брать академический отпуск, но Павел считал, что этот отпуск не будет очень уж долгим, он рассчитывал на помощь своей матери.

Его расчет полностью оправдался: после рождения Даши Соне не пришлось очень уж надолго отрываться от учебы, бабушка активно включилась в заботу о малышке, а когда стало можно, и вовсе забрала ее к себе.

Через месяц после рождения ребенка Константин Александрович купил Павлу машину, и сообщение между родителями и молодой семьей стало совсем беспроблемным.

Когда Даше исполнился годик, Соня вернулась в институт. Павел в это время все свои усилия направлял на то, чтобы сделать карьеру. Именно карьеру Павел считал хребтом жизни мужчины.

Он не понимал, как может устраивать сорокалетнего мужчину работа рядового врача в поликлинике или преподавателя в техникуме. Участковый милиционер средних лет вызывал в нем презрительно-жалостливое ощущение. Что за цели ставят себе такие люди?

– Понимаешь, Сонечка, – пытался на пальцах объяснить Павел свою логику жене, – сотрудник милиции – это представитель власти. Мой отец тоже работает в органах власти, но к своей должности он шел много лет, проходил через такие интриги, что сам вспоминать об этом не хочет. Но он человек целеустремленный, волевой, умный, он свой путь все-таки прошел. Но пока его пройдешь, голова будет седая.

– Но в милиции ведь тоже звания даются не раз в год, – пожимала плечами Соня. – Там-то ведь как ни старайся, но через пять лет генералом не станешь.

– Конечно, Сонечка, конечно, ты абсолютно права, – подтверждал муж. – Но есть одна особенность, эта особенность заключается в самом процессе служебного роста. В сфере госслужбы и в нашей среде это происходит по-разному. Чиновник может вырасти до большой должности, реализовать себя полностью, а завтра поменяется власть и его со всеми званиями, регалиями, со всеми потрохами выкинут на улицу. Политика – капризная дама, часто меняет свои симпатии. А милиция была нужна и будет нужна любой власти во все времена. Понятно?

Соня не возражала против того, чтобы маленькая Даша большую часть времени находилась у бабушки, иначе она попросту не смогла бы окончить институт. Боязнь после длительного перерыва переиграть руки и лишиться профессии заставляла Соню относиться к учебе определенным образом: она уже не горела, она не трепетала при прикосновении к клавишам. Она просто получала диплом о высшем образовании.

После института вопрос о дальнейшем трудоустройстве решился как-то сам собой, будто другого варианта не могло бы быть и в принципе: Соня устроилась на работу в оперный театр. Туда, где прошло ее детство, где ей был знаком запах каждой пылинки.

В первые годы супружества Соня и Павел все свободное от работы время проводили вместе. Но постепенно ситуация стала меняться.

– Сонечка, надо делать карьеру, надо зарабатывать деньги, – говорил Павел. – Ты сама понимаешь: под лежачий камень вода не течет. В нашей работе все зависит от моей собственной активности, так что ты уж не обижайся, если мне придется иной раз задержаться ради какой-то встречи или чего-то неотложного. Просто знай, что все, что я делаю, я делаю на наше благо, в этом ты должна быть уверена.

Соня не спорила, она понимала, что у Павла важная, ответственная работа, у него ненормированный рабочий день, он одержим желанием сделать карьеру. В конце концов, он мужчина, он носит погоны и совершенно не обязан посвящать

ее в детали своих профессиональных обязанностей. А может быть, даже и не имеет на это права.

Римма Матвеевна, однажды завладев Дашей, отпускала ее к родителям только на выходные, и то с большой неохотой.

Павел все реже забирал Соню с вечерних репетиций, когда они были у нее в графике, а приезжал уже сразу домой. Соня понимала, что он очень устает, жалела мужа. К тому же от постоянного рабочего стресса у Павла стала побаливать голова, и без пары рюмок коньяка спазмы и усталость никак не желали сдавать своих позиций.

Супруги стали слегка отдаляться, но Павел объяснял это нормальным ходом течения жизни: они ведь уже не влюбленные детки, они взрослые люди, у них ребенок, у каждого своя работа и свои обязанности. Так, говорил Павел, устроена жизнь.

Иногда он приводил домой сослуживцев, перед которыми Соня выступала во всем блеске. Ей и самой нравилось похвастаться своим борщом, баклажановой икрой или форшмаком. Чаще всего она не принимала участия в мужских разговорах, потому что они касались профессиональных тем, но всегда присматривала за тем, чтобы тарелки и рюмки не были пусты. Единственное, что ей было непонятно, так это зачем водить в дом людей, которые тебе не нравятся?

Уже не первый раз Павел приглашал на ужин одного парня, немного постарше себя, Романа Величко, который на вид показался Соне вполне приличным, вежливым, вставал, когда она входила в кухню, любезным, скромным. Паша заранее предупреждал Соню о том, что вечером придет с ним, Соня готовилась, угощала их чем-то вкусным, обязательно удостаивалась похвалы. В общем, вечер проходил нормально, но как только Роман уходил, Павел облегченно вздыхал.

– Наконец-то он отвалил, – проговорил однажды Паша, заваливаясь под бочок к Соне на диван перед телевизором. – Достал уже, еле выдержал его. Такой правильный, аж тошнит, ей-богу…

– Да? А мне он показался очень приличным, – вставила Соня.

– Да он и есть приличный, – подтвердил Павел. – Просто тошнит от него.

– А зачем же ты его приглашаешь? – удивилась Соня. – Он у нас уже, наверное, в третий раз, если я не ошибаюсь. Если он тебя раздражает, зачем ты его зовешь?

– Да и сам не хочу, но надо…

Павел изменил свое положение на вертикальное, было видно, что у него возникло явное желание поделиться с кем-то своими эмоциями.

– Понимаешь, какая штука, – начал он, скривившись, – этот Рома, он не просто Рома. Он начальник пресс-службы УВД. Я с ним познакомился, когда мы рейд по фальшивой водке проводили. Ты понимаешь, что обидно: фактически операцию готовили мы с ребятами, а по телевизору показали хрена, который вообще приехал только потому, что знал, что журналисты будут. Понимаешь, у нас считается нормальным, что одни готовят операцию, проводят, а потом дядя в больших погонах приезжает и говорит, как «круто мы тут боремся»…

– Ну, а ты здесь при чем? – удивилась Соня. – Ты хочешь в телевизор попасть? Тебе-то зачем, ты же пока не начальник?

– И никогда им не стану, если кто-то будет пожинать лавры, а я буду сидеть в тени, – буркнул Павел.

– И что ты хочешь от этого Ромы? Он же, наверное, имеет свои директивы сверху или свое понимание, что и как нужно делать. Ты хочешь его в чем-то переубедить? – продолжила разговор Соня.

– А я уже почти переубедил, – звонким голосом ответил Павел, – не зря я его терплю. Я тебя уверяю. Сейчас новые тенденции на телевидении, уже давно прошло время «говорящих голов», уже нормальные каналы все материалы преподают в репортажном стиле, снимают кадры с места событий. Сейчас на телевидении новые каноны. Я ему подсказал, как мы могли бы снять тот же рейд, как интересно его подать, как сделать неформальное репортажное начало. Типа все с места событий, опера комментируют на месте, все в реальном режиме…

– Паш, а тебе это зачем? Это ж не твоя работа, – продолжала недоумевать Соня.

– Не скажи, – ответил Павел, – это я не сам придумал, меня умные люди научили, надеюсь, ты не сомневаешься, что папа глупого совета не даст? Сейчас с журналистами нужно дружить. Я этому Роме свои мысли в голову забил, так что следующую же операцию, которую мы будем проводить, буду комментировать я. И следующую за ней – тоже. И пятую. Пока в сознании нашего начальства прочно не засядет моя фамилия. Пока она не начнет ассоциироваться с хорошим сотрудником, который уверенно говорит с экрана. Им такие нужны.

Соня понимала как никто другой, что означает для творческого человека выход на публику. Это особое состояние, это подъем, который трудно описать тому, кто никогда не выходил на сцену или на телеэкран. Но Павел? Он когда-то писал песни… Может, это желание показаться идет оттуда? Хотя вряд ли. Песни он перестал писать, несмотря на то что Соня сто раз упрашивала.

Не прошло много времени, как Павел добился, чего хотел. Разумеется, Роману Величко он не раскрывал истинные механизмы своего к нему интереса. Ему Павел преподносил свои идеи в совершенно ином ключе.

– Понимаешь, – говорил он Роме, – сейчас престиж нашей профессии в обществе очень низкий. Мы все должны его повышать, для тебя это вообще главная задача. У меня, конечно, цели другие, мое дело ловить преступников, но мне не может быть безразлично, как относятся в обществе к сотруднику милиции. Мы должны показывать, что не зря тратим деньги налогоплательщиков, не зря едим свой хлеб. Но до сознания человека это по-настоящему дойдет только тогда, когда мы, соответственно, это покажем или расскажем. Если это будет интересно, если люди будут видеть: то, что мы показываем, – правда, а не какие-то отчеты. Рома, я правильно рассуждаю?

– Правильно, Паш, – отвечал коллега, – я даже не ожидал, если честно, что найду себе единомышленника. Ты же знаешь, менты не очень любят телевидение, прессу, неохотно идут на контакты. Мне-то они все расскажут, а потом сам думай, что со всей этой информацией делать. Только какого-то большого начальника не надо уговаривать дать интервью, особенно когда время отчетности. А вот сделать что-то оригинальное, современное – с этим большие проблемы. А вот с тобой интересно, ты мыслишь правильно. Давай сделаем постоянную рубрику в нашем «Патруле», ты будешь ее комментатором. Согласен? Решайся!

Павел изобразил некоторое замешательство, но на самом деле это было как раз то, на что он надеялся и на что рассчитывал. На областном телевидении выходила еженедельная передача, которая выпускалась усилиями телевизионщиков и пресс-службы УВД. Именно что усилиями. Передача была из рук вон плохая, в те времена пресс-службы органов внутренних дел еще не были укомплектованы профессионалами, и возможности телевидения, во всяком случае, в провинции, еще не использовались в полной мере. Павел придумал новую рубрику для телепрограммы, которая должна была рассказывать о всевозможных фальсифицированных товарах, бесчисленных лохотронах, коих в то время организовывалось великое множество, о нелегальной торговле и обмане потребителя. Рубрика, бесспорно, обещала стать очень и очень интересной. Но поскольку работал Павел в районном отделении, то и материал он мог поставлять исключительно районного масштаба. Первый же сюжет, который отсняли Волков и Величко, имел неожиданно для них самих громкий резонанс.

Начальнику УВД позвонил председатель облисполкома, высказал очень позитивную оценку телепрограммы и призвал к тому, чтобы и впредь воспитывать население в том же духе. Через месяц было принято решение о переводе Павла Волкова из районного отделения милиции в УВД.

Должность была рядовая, но Павел вырвался с земли в управление. Это было главное, он даже не ожидал, что это случится так быстро.

Через несколько месяцев телепрограмма «Патруль» уже гремела на областном телевидении, и рейтинги, которые ежемесячно публиковались в приложении к авторитетной федеральной газете, официально подтвердили этот факт. Некоторые сюжеты, наработанные Романом и Павлом, областные телевизионщики перегоняли на федеральные каналы.

Соня радовалась успехам мужа, она понимала, что его жизнь должна кипеть и бурлить, иначе ему будет скучно, он закиснет. Павел – само воплощение энергии и движения, Соня как никто другой понимала это, помня, как он стремительно ее «окрутил».

Ее собственная жизнь текла в другом русле.

Премьера новой постановки оперы Делиба «Лакме» стала большим событием для театра. Когда-то эта опера уже была в репертуаре, но держалась исключительно на одной певице – колоратурном сопрано, единственной способной справиться со сложнейшей партией, в которой были очень высокие ноты. После переезда той певицы в Москву опера вышла из репертуара, хотя ресурса своего далеко не выработала – оставались прекрасные декорации, экзотические индийские костюмы… И когда в театре появилась новая настоящая «колоратура» – довольно редкий голос, оперу решено было возродить. Все усердно трудились, Соне очень нравилась музыка французского композитора, с успехом передавшего восточный индийский колорит. Наконец наступил день премьеры.

Павел предупредил Соню о том, что вернется поздно, вернее, неизвестно когда, потому как затевается очередной рейд, и когда он освободится – неизвестно. Даша по случаю занятости родителей была у бабушки, так что Соне предлагался следующий выбор: либо отпраздновать премьеру с артистами, либо сидеть одной в пустой квартире. Она выбрала первое.

Праздновать решили в буфете, но не в том, который предназначен для зрителей, а в том, который обслуживал артистов. Места, конечно, было маловато, но территорию расширили за счет прилегающего коридора, холла и даже ближайших репетиционных комнат. Сдвинули столики, накрыли их как положено, а по тем временам даже и шикарно: было вино, и сухое, и полусладкое, и водка для мужчин. На закуску буфетчица выставила то, на что хватило скинуться, и тоже вышло нормально: были бутерброды с ветчиной, с сыром, оливье и пирожные.

Все было весело и замечательно. Все поздравляли дирижера, режиссера, а самое главное, Люсю – певицу, обладающую редким голосом, совершенно не сочетавшимся с ее простецким именем. Удивительная по красоте и силе колоратура не вязалась и с ее внешностью: Люся была грузновата, ее симпатичное правильное лицо оплыло раньше времени, почти лишилось своих контуров. Вообще было непонятно, как эта приятная, но очень уж простая женщина оказалась в опере. Ответ был один – голос. Даже ей, простушке, хватило ума и здравомыслия, чтобы не похоронить такой редкий дар.

В самый разгар празднования совершенно неожиданно для всех пришел Миша. Его появления Соня не ожидала, она мгновенно воспряла духом, на ее лице засияла счастливая улыбка. Появление Миши очень разнообразило празднование

премьеры, потому что благодаря ему на столах появились шампанское, виноград, великолепные торты, дорогой коньяк. Вот тогда и началось настоящее веселье!

Соня с Мишей долго разговаривали, они уселись на диванчике в кабинете заведующего литературной частью, который прямиком выходил на буфет, Миша принес по рюмочке хорошего коньяка. Старые друзья делились новостями, вспоминали юность. На очередном взрыве смеха на пороге внезапно появился Павел. Его взгляд на секунду остановился на Мише, после чего он сурово посмотрел на жену. Глаза его были ледяными.

– Празднуем премьеру? – облокотившись о косяк двери, бросил он. – Вон там народ уже никакой совсем, а вы чего ждете? Недостаточно выпили? Или мало возбудились?

Миша и Соня никому не могли дать оснований даже для намека на интим. Они сидели в разных уголках большого старого дивана, тихо беседовали. Тон Павла на этом фоне был просто чудовищен.

– Не слышу ответа! – продолжал Павел, медленно проходя в кабинет. – Она молчит – ладно, ты уже ее напоил, это видно. А ты? Ты кто? Что ты здесь делаешь с моей женой?

Миша, который сначала, видимо, даже не понял, что происходит, только теперь сообразил, что к чему.

– Так ты муж Сони? – воскликнул он. – Заходи! Соня сказала, что ты сегодня на каком-то дежурстве, а раз ты освободился – давай, присоединяйся! Тебя Павел зовут? Очень приятно, я – Михаил.

Миша протянул руку для пожатия.

Глаза Павла еще больше сузились.

– Я в коллективных оргиях участия не принимаю, – прошипел он. – Коллективный секс не для меня. А если и для меня, то моей жены в нем не будет.

Павел больно схватил Соню за руку и поднял с дивана.

– Двенадцать ночи, деточка, а ты еще не нагулялась? – шикнул он на жену, обволакивая ее алкогольным запахом. – Вставай, пошли домой.

Миша вскочил. Его ноздри раздувались, он с трудом мог подобрать слова, но все-таки взял себя в руки.

– Почему вы так обращаетесь с Софьей? – стараясь казаться спокойным, спросил он. – Она не сделала ничего плохого, мы друзья детства, мы давно не виделись, мы просто общались, разговаривали.

– На этом общение закончено, – ответил Павел, довольно грубо подтолкнув Соню к выходу.

Соня никогда еще не испытывала такого унижения, помимо ее воли и несмотря на все попытки сдержаться, слезы потекли у нее из глаз. Миша не стерпел, вновь вступился:

– Тебе что, так приятно унижать свою жену? Борись со своими комплексами, парень…

Миша не успел закончить, потому что Павел резко схватил его за лацкан кожаного пиджака.

– Слышишь, ты, сионист, если ты будешь учить меня, как общаться с женой, тебе мало не покажется, – выдавил он. – И завтра ты будешь думать не о том, как ее трахнуть, а о том, как спасти свой бизнес и свою жалкую задницу. И ты не спасешь ни то, ни другое. Будь в этом уверен. Ты меня понял?

Сказать, что Миша был ошеломлен, – это не сказать ничего. Но это была лишь малая толика от того ощущения, которое испытала Соня.

«Боже мой, что это?» – только и успела спросить она саму себя, прежде чем отчаянно разрыдаться.

После сцены в театре Соня долго не могла разговаривать с Павлом. Она пребывала в шоке и несколько дней не могла прийти в себя. Такой пошлой грубости, неприкрытого хамства Соня раньше за мужем не замечала. Откуда это взялось? И что это значит: случайная вспышка необоснованной ревности или так теперь будет всегда?

Сцена в театре оскорбила Соню и заставила впервые посмотреть на Павла под другим углом. Почему Павел, увидев Мишу, позволил себе такое поведение? Почему он выступил как трамвайный хам, если не хуже? Неужели он сам не понял, что опозорился, неужели ему безразлично, что о нем подумают другие люди? Соня терзалась этими вопросами и не находила на них ответа. Все-таки Клара была права: она очень плохо знает своего мужа. Она почти не знала Пашу, когда выходила замуж, но и сейчас, прожив с ним несколько лет, узнала его не намного лучше. Она поняла, какую он предпочитает еду, какую мечтает сделать карьеру, где ему нравится отдыхать и какие вещи носить. Но как человек Павел может преподнести ей массу сюрпризов.

Соня продолжала работать в театре, но замечала, что Павлу это меньше и меньше нравится. Он мог приехать к концу ее вечерней репетиции, не предупредив заранее, что будет встречать, и если она выходила из дверей не одна, а в сопровождении кого-то из артистов, проявлял недовольство. Мог, например, спросить: «Я не нарушил твоих планов или ты все-таки собиралась домой?» Павел негодовал, если кто-то из солистов передаривал Соне полученный букет. Понятно, что женщина другой женщине свой букет никогда не отдаст, так что если Соня являлась с премьерного спектакля с цветами, Павел скрипел зубами и брызгал слюной. Периодически он стал заводить разговоры о том, чтобы она перешла в музыкальную школу или вообще перестала работать. Соня прекрасно понимала причину этих разговоров: в музыкальной школе чисто женский коллектив, и с мужчинами она там сталкиваться почти не будет. О предложениях вообще не работать она даже слышать не хотела.

– Твоя зарплата не имеет для нас принципиального значения, – говорил ей Павел. – Занимайся домом, Дашкой.

– Я так не могу, – твердо отвечала Соня. – Я не хочу быть домработницей. Я училась музыке с шести лет не для того, чтобы осесть дома с веником и тряпкой. Кого ты хочешь из меня сделать? Посудомойку? Нет. По-моему, и работая, я

вполне справляюсь с домашними обязанностями.

На этом все подобные разговоры заканчивались. И как бы подавляюще ни действовал на нее муж, но сдвинуть Соню с ее позиции Павлу никак не удавалось.

Следующий серьезный скандал на почве ревности произошел после «Травиаты», которой дирижировал приглашенный итальянский маэстро, а партию Альфреда исполнял итальянский певец. Для города это было большое культурное событие, все же не каждый день в провинциальную оперу приезжают итальянцы, в театре был аншлаг.

Тенор приехал без своего концертмейстера, поэтому распеть его перед спектаклем поручили Соне. Тенор был типичным итальянцем: лукавые, почти черные глаза, вьющиеся темные волосы, ямочка на подбородке. Ничего не скажешь, он был хорош. По-русски певец не говорил совсем, но Соня, всю свою сознательную жизнь штудировавшая оперные клавиры с оригинальными текстами, постепенно научилась понимать кое-что по-итальянски. Слов она знала очень много еще девочкой, а уже учась в институте, вместе с вокалистами, для которых итальянский язык был обязательной дисциплиной, посещала уроки. Так что объясняться с гастролером на примитивном уровне ей оказалось под силу. Это обстоятельство вкупе с роскошной русой косой, которая делала Соню похожей на русских царевен из старинных сказок, итальянца покорило совершенно. После спектакля он в закулисном холле встал перед ней на одно колено и вручил ей цветы, подаренные ему восхищенными зрителями. Соне было приятно, жест молодого итальянского певца ее умилил, она улыбалась.

Именно в этот момент она заметила, что в коридоре, который ведет к холлу, подперев плечом стену, стоит Павел и внимательно наблюдает за происходящим. Краска спала с ее лица. Соня видела, что Павел, поймав ее взгляд, ухмыльнулся и пошел прочь. Она предполагала, что муж, конечно, не уехал, а ждет ее у служебного выхода. Так и вышло.

– Ну и как это понимать? Ты что, прима? Почему это он тебе подарил букет? – прошипел он.

– Своей партнерше он тоже подарил букет, – возмущенно проговорила Соня. – Просто солистке он вручил цветы при всех, а я всего лишь концертмейстер, я всего лишь его распевала, поэтому меня он поблагодарил в служебном холле. Что тут непонятного? И чем ты возмущен? Я не понимаю!

– Я не возмущен, я в восторге, – с вызовом ответил Павел. – Я горжусь тем, что моей жене дарят букеты посторонние мужчины. Просто на всякий случай мне интересно было бы узнать: если бы ты не увидела меня, что было бы дальше? За букетом – ресторан, а потом номер в гостинице?

– Как ты смеешь? Хам! – взвизгнула Соня и машинально, не осознавая своих действий, замахнулась, чтобы влепить мужу пощечину.

Ее рука была мгновенно перехвачена, Павел сжал ее запястье, да так сильно, что Соня даже взвизгнула от боли.

– Чтобы я это видел в последний раз, – сквозь зубы процедил он.

После чего Павел запихнул жену в машину и так резко надавил на газ, что Соня еще и ударилась головой о лобовое стекло.

Дома он задержался ненадолго, прошел прямо в уличной обуви в спальню, порылся в каком-то ящике и через минуту был таков. Соня только услышала, как его машина с ревом выезжает из двора. Ночевать Павел тогда так и не явился.

После подобных ссор Павел никогда не просил прощения, не пытался устраивать сцен. Он вел себя так, будто ничего не произошло. Из этого Соня могла сделать только один вывод: если бы Павел ее действительно ревновал и мучился от этого чувства, выяснения отношений было бы не избежать, он обязательно допрашивал бы ее с пристрастием. Пытался бы на чем-то подловить. Постепенно у нее стало создаваться впечатление, что эти сцены Павел закатывает специально, искусственно создавая повод для того, чтобы хлопнуть дверью и не ночевать дома. Где он бывал и с кем проводил время, Соня не имела ни малейшего понятия.

Даша очень скучала, когда приходилось много времени проводить у бабушки, но Римма Матвеевна была не склонна сдавать свои позиции: раз захватив внучку в свои руки, она уже очень неохотно отдавала ее матери. А когда родители все же забирали девочку домой, бабушка обязательно являлась и контролировала все: что Даша ест, во что она одета, где и с кем гуляет.

Ребенок был причиной тихой войны между Риммой Матвеевной и Соней. Например, как только Даша чем-то заболевала, даже самой пустячной простудой, Римма Матвеевна немедленно пичкала ее антибиотиками. На Сонины протесты она отвечала, что все полоскания, ингаляции и прочая чепуха – это мертвому припарки. Не для того, мол, ученые изобретают новые эффективные средства лечения, чтобы тратить время на ерунду, запуская процесс. Соня была категорически против такого лечения, Лиля много раз говорила ей, что антибиотики изначально изобретались как средство, которое применяется в крайних случаях, когда нет другого способа победить болезнь. Если у ребенка, не дай бог, случилась бы пневмония, то их применение было бы оправданно и необходимо. Но постоянное, чуть ли не по каждому поводу, употребление антибиотиков неизбежно нарушит иммунитет и обязательно приведет к нежелательным последствиям. Не говоря уже о том, что от частого и бесконтрольного применения антибиотики просто перестанут помогать. Но Римма Матвеевна была неумолима. Она всегда лучше всех знала, что делать, и доводы Лили, дипломированного врача, ее не убеждали. Даша действительно стала болеть все чаще и чаще, и в один прекрасный момент Соня не выдержала и сказала Павлу:

– Все, так дальше не пойдет, я забираю Дашу домой насовсем. Твоя мама втайне от меня дает ей антибиотики, она разрушит иммунитет ребенка, испортит ей кишечник.

– А откуда ты знаешь, что мама дает ей антибиотики, если она, как ты говоришь, делает это втайне? – поинтересовался Павел.

– Вот, посмотри, – Соня протянула мужу горсть таблеток. – Она уже второй день дает Даше сильнодействующие лекарства, хотя ребенку лучше бы делать ингаляции и полоскать горло.

– Где ты взяла эти таблетки? – поднял брови Павел.

– Римма Матвеевна давала их Даше, – ответила Соня, – а Даша делала вид, что пьет, а сама не пила, прятала.

– Так это Дашка тебе на бабушку нажаловалась? – хмыкнул муж. – Отлично, сегодня же заберем ее домой.

В тот же день счастливая Даша вместе со своим хомяком переехала к родителям. Первым, что сказал ей отец, когда они вошли в квартиру, было:

– Даша, жаловаться маме на бабушку нехорошо. Ты же не хочешь, чтобы они поссорились, правда? И обманывать бабушку тоже нехорошо. Я надеюсь, Даша, что это было в последний раз.

При этом он поднял Дашину головку и заставил смотреть себе в глаза. И глаза его были жесткими и холодными. Даша заглянула в них и моментально заплакала.

– Зачем ты все испортил? – взвилась Соня. – Дашка была так рада, что вернулась домой, а ты…

Соня сама уже чуть не плакала.

– Мала еще бабушку обсуждать, – отрезал Павел. – Пойду поставлю машину, и чтобы к моему приходу никаких слез здесь не было.

С утра Соня сходила в женскую консультацию по причине имевшейся задержки, и врач-гинеколог подтвердила ее предположение о беременности. Соня шла домой и размышляла. Как отнесется к известию Павел? Когда-то он легко отдал Дашу на попечение бабушки, и она не замечала в нем такой уж острой потребности видеть дочь. Ему важнее было знать, что она здорова и ни в чем не нуждается. Обрадуется ли он новому известию? Соня позвонила Павлу и попросила приехать домой на обед, чтобы поговорить.

– Ну, что ты меня звала? Что хотела мне сказать? – спросил муж с порога.

– Паша, – начала Соня. – Я не знаю, как ты к этому отнесешься, обрадует ли это тебя, но сегодня я была у врача. Я беременна.

Павел посмотрел на нее в упор. Соня выдержала его взгляд и приготовилась к серьезному обсуждению вопроса о том, могут ли они именно сейчас заводить второго ребенка. Но никакого обсуждения не последовало. Павел просто сказал:

– Ну, вот и слава богу, наконец-то ты уйдешь из своего дурацкого театра.

Второй ребенок Соне давался уже труднее, чем Даша. Она страдала токсикозом, отекала, да и роды не были легкими.

Когда младенца привезли домой, собрались все: Константин Александрович, Римма Матвеевна, Антон, приехали Клара и Лиля с сыном Ромкой. Открыли шампанское, пили за малыша и его маму, и тогда в торжественной семейной обстановке Павел вручил Соне, как и полагается после рождения ребенка, дорогой подарок.

Соня увидела коробочку и еще больше засияла. Она, как любая женщина, очень любила украшения. Но когда она открыла футляр, то слегка опешила: на бархатной подложке покоилось кольцо с крупным бриллиантом. Соня не настолько разбиралась в камнях, чтобы понять каратность бриллианта, но то, что это немаленький камешек, да еще и прекрасной обработки, было видно невооруженным глазом. Ее удивлению не было предела, потому что ни у кого из знакомых она ни разу не видела камня такой величины. Павел аж порозовел от удовольствия, видя изумление жены. Он расценил ее округлившиеся глаза как свидетельство восторга, на самом же деле Соня остолбенела от немого вопроса, который не могла задать при всех: откуда у Павла деньги на такое кольцо?

Следующим тостом Соня, которая только притрагивалась к бокалу шампанского губами, предложила назвать мальчика в честь деда – Константином, и растроганный Константин Александрович вручил невестке свой подарок: конвертик с деньгами на хорошую норковую шубу. У Риммы Матвеевны, правда, при этом перекосило лицо, но никто в веселой компании этого не заметил.

Конечно же, на сей раз Соня плотно и надолго засела дома. Костик часто болел, и с ним было много возни. Даша требовала повышенного внимания, чем умело

пользовалась Римма Матвеевна, которая стала водить ее в музыкальную школу и на танцы. Соня закружилась в водовороте семейных обязанностей, озабоченная уходом за детьми, бесконечной готовкой и стиркой, обихаживанием мужа. Она даже отрезала свою драгоценную косу: настолько некогда ей было теперь заниматься волосами, к тому же длинные волосы стали ей мешать. Вопрос о стоимости кольца, который она все-таки решилась задать мужу, так и остался без ответа.

– Сонька, да разве же положено спрашивать о цене подарка, а? – только и усмехнулся он. – Ты же у меня такая воспитанная девочка…

– Ну, просто бюджет-то у нас общий, – замялась она. – А зарплата у тебя не та, чтобы такие кольца покупать, вот я и спросила.

– На мою зарплату не то что кольца не купишь, а и в ресторан не сходишь, – засмеялся Павел. – Зарплата… Скажешь тоже!

Соня было открыла рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но Павел ее мгновенно осадил.

– Давай договоримся, – сказал он. – Финансовые вопросы семьи – это мои вопросы, и ты в них не лезешь.

Соня опять хотела возразить, но Павел решительно закончил:

– И вопросов не задаешь.

Попросив Римму Матвеевну побыть с Костиком, Соня ненадолго вырвалась в парикмахерскую, и пока ей обновляли стрижку, вполуха прислушивалась к окружавшим разговорам.

– Ниночка Петровна, вы же понимаете, что он сам виноват! Уже сколько раз об этом говорили, и все равно люди покупаются. Ну смешно же ведь! Ясно же, что эти лотереи выигрышными не бывают. И что он вообще у вас делал на Центральном рынке, зачем он туда ходит? – это мастер Оксана обращалась к своей постоянной клиентке, которой в данный момент красила голову.

– Оксаночка, вы не понимаете, мой муж сам туда не ходит, – замотала головой Нина Петровна. – Он в жизни никогда ни одной вещи себе сам не купил. Это я его повела. Мы же собрались в Турцию, мне нужно было присмотреть купальник, а на зрелую женщину ничего не подберешь, вот мне и посоветовали, сказали, что на Центральном вещевом рынке есть один павильон с очень приличными купальниками.

Соня не слышала начало разговора, то есть пропустила саму фабулу разыгравшейся драмы, но поняла, что мужчина, муж Нины Петровны, стал жертвой лохотронщиков, промышлявших на вещевом рынке. Оказавшись без присмотра жены, мужичок перекусил и выпил рюмашку в одном из многих рыночных кафе и в столь благодушном настроении оказался легкой добычей для тех, кто промышлял там беспроигрышными лотереями. Мужчину «обули» ловко и профессионально. Нина Петровна обозвала мужа старым идиотом и кинулась к лотерейному лотку, чтобы привлечь мошенников к ответу, но тех уже и след простыл. Лоток был легкий, сборный, перенести его в другое место – дело пяти минут. Ищи теперь аферистов на толкучке в выходной день! Тем более работала там целая бригада, со своими «разведкой и системой оповещения».

Народ еще не вполне привык к той мысли, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и охотно покупался на «разводы». Муж Нины Петровны, после того как она объяснила смысл произошедшего, сначала совсем расстроился, потом разозлился и начал самостоятельный поиск лохотронщиков. Его походы на рынок, впрочем, ничем не увенчались. Прошло время, и Нина Петровна успокоилась, но неугомонный муж продолжал свои изыскания, и в один день нашел-таки подлых обманщиков. Стоит ли говорить о том, что мужчина мало того, что ничего не добился, но и был строго предупрежден о том, чтобы на рынке больше не появлялся. Ему бы взять да уйти подобру-поздорову, а он вместо того начал выкрикивать лозунги о том, чтобы люди не поддавались обману, и совестить мошенников. Ну и получил в итоге как следует – и по почкам, и по печени.

Заявление Андрей Ильич писать не стал, супруги сочли, что это, скорее всего, бесполезно, пошли другим путем. У Нины Петровны имелась подруга, у которой сын работает в райотделе милиции, к территории которого принадлежит этот вещевой рынок. Нина Петровна встретилась с Семеном, молодым милиционером, который работал, правда, всего лишь в дежурной части, сказала, что Андрей Ильич знает преступников в лицо, может их опознать, но итоги разговора подтвердили самые худшие ее предположения.

– Вы что же, теть Нин, думаете, что эти лохотронщики теперь будут сидеть на рынке и ждать, пока за ними придут? – разъяснял ей милиционер. – Они теперь сменят точку, их много по городу. Не скоро снова здесь появятся.

– Ну, раз они появятся, значит, можно будет их накрыть, – продолжала упорствовать наивная женщина.

– Теть Нин, ну что ж вы, не ребенок ведь! – милиционер укоризненно покачал головой. – Вы что ж думаете, они тут сами по себе работают? Думаете, милиции о них ничего не известно? Раз люди так уверенно чувствуют себя на земле, значит, им помогают. Опекают их.

Семен объяснял ей прописные истины, как объясняют таблицу умножения старательному, но не очень способному школьнику.

– Да и потом, они же здесь не первый год, эти ребята, – продолжал он. – Лохотроны у них разные, одеваются они по-разному, иной раз их и не узнаешь, что-то новое придумывают, когда на одно клевать перестают. Состав, бывает, частично меняется, но группа вообще-то устойчивая.

– И что же, это ваши сотрудники их «крышуют»? Так это теперь говорят? – брезгливо поморщилась разочарованная женщина. – Это и они в их банде и состоят?

– Ну, нет, конечно, – ответил сын подруги. – Вы же понимаете, мне не совсем удобно это вам говорить. Но вы не чужая… Есть у них помощники, не сомневайтесь. Вообще-то эти ребята ходят под одним бизнесменом, ранее судимым за мошенничество, а у него хороший контакт в УВД.

– Что же за контакты в УВД у сидельцев бывших, а? – всплеснула руками Нина Петровна.

– Ну, это он раньше был сиделец, – протянул Семен, – а сейчас вполне респектабельный господин. Да и сидел-то он не за убийство же. И не двадцать лет… Теперь большие дела делает, но и старым ремеслом не брезгует.

– И вот таких-то ваши полковники прикрывают? Позорище какое!

– У нас много кого прикрывают, – вздохнул Семен, впрочем, без тени сожаления в голосе. – Кого полковники, кого капитаны. Тот, с кем этот бизнесмен дружит, еще до больших звезд не дорос. Но дорастет, такие, как он, дорастают, если не слишком наглеют и не палятся.

– Ты его знаешь? – удивилась Нина Петровна.

– Да а кто его не знает-то? – хмыкнул парень. – Он у нас телезвезда, и папаша у него какая-то крутая шишка на главной площади. Так что вы в это дело не лезьте, все равно вы ничего не докажете. На лотереях надо только с поличным брать, а не взяли – все, до свидания. На большую сумму супруга-то обули?

– Да не очень…

– Ну и забудьте, – подытожил Семен. – Зато теперь он близко к таким не подойдет. В конце концов, всякая наука денег стоит.

Пока Оксана щелкала ножницами, а Нина Петровна рассказывала свою историю, Соня слушала вполуха, от скуки, но когда женщина стала пересказывать свой разговор с молодым милиционером, Соня напряглась. Неужели речь идет о Павле? Он по-прежнему постоянно мелькает в «Патруле», у него отец вполне подходит под определение «большой шишки» с главной площади. Это он, что ли, водит дружбу с каким-то бизнесменом, под которым бегают мошенники? Вообще-то мальчик из дежурной части мог и ошибаться, да и в УВД, наверное, не у одного Павла отец работает в главном областном здании. А в том же «Патруле» кого только не показывают…

Тем не менее Соня пришла домой в дурном настроении.

Она пыталась отогнать неприятные мысли, рассмотрела в зеркале новую стрижку, сняла сережки, надетые по случаю выхода на улицу, выдвинула ящик комода, чтобы сунуть их в коробочку, и на глаза ей попался футляр с кольцом, которое ей подарил Павел на рождение Костика. Соня открыла крышку, поднесла украшение к бра и несколько секунд любовалась игрой света на гранях драгоценного камня. Потом решительно закрыла крышку и дала себе слово это кольцо не надевать.

Данное себе обещание Соня держала довольно долго, наверное, года три, а то и больше, потом Павел сумел настоять на своем. А пока не подрос Котик, Соня никуда особенно и не выходила. Это прозвище прилепилось к мальчику даже не благодаря его умилительной внешности, просто когда его спрашивали, как его зовут, ребенок хотел сказать «Костик», а получалось «Котик». Так и пошло.

До пятилетнего возраста Котик много болел, поэтому Соня практически безвылазно сидела дома, а нередко и лежала с мальчиком в больнице. На работу в театр она так и не вернулась. Время окончания ее декретного отпуска совпало с очередной болезнью малыша, и директор театра был вынужден занять Сонину ставку другим концертмейстером.

Постепенно Соня привыкла к роли домохозяйки, тем более что эта роль оставляла ей не так уж много свободного времени для раздумий. Дашка была загружена по полной программе: она училась в элитной гимназии, посещала музыкальную школу, дополнительно занималась английским языком, и все это как-то ухитрялась совмещать с танцевальной студией, которую, даже несмотря на разрешение родителей, бросать не хотела.

После рождения сына Павел, как и собирался, сосредоточился на постройке дома. Больно уж хорош был участок! Тихий центр, спокойная улочка, обсаженная кустами сирени, и умиротворяющий вид на церковные купола, сверкающие золотом на солнце. Павел работал, контролировал строительство, которое шло этапами, в зависимости от денежных поступлений. Дома он бывал мало, поэтому неудивительно, что Котик все свое время проводил с матерью.

Своего младшего ребенка Павел частенько называл «маменькиным сынком». Когда Котик болел, Соня была в самой непосредственной близости, и в периоды здоровья мама для него была первым и главным авторитетом. Из прочих родственников Котик признавал лишь семью Клары. К бабушке и деду он ходил редко, быстро там уставал, скучал, начинал капризничать и жаловаться на то, что у него что-нибудь болит, пока его не отводили домой. Дома болезнь внезапно проходила, и он мгновенно приходил в себя. Когда Соня по необходимости оставляла сына у Клары, мальчик не сопротивлялся, он обожал Кларины беляши и ту свободу действий, которую она предоставляла ему. Семью Лили Котик посещал с еще большим удовольствием.

Жизнь семьи Волковых текла своим чередом.

Глава 3

Последний раз Антон плотно общался с Гаянэ – бывшей одноклассницей и подругой Павла года полтора назад. Они большой компанией ездили отдыхать в Таиланд по маршруту Бангкок – Пхукет. С тех пор Антон и Гаянэ пересекались лишь на праздниках, да и то это было уже довольно давно, в последнее время Павел перестал устраивать застолья с шашлыками из-за наступившего семейного кризиса, а других точек пересечения с Гаянэ у Антона не было.

Но некоторое время назад он разговаривал с ней по телефону и был глубоко поражен. Тогда внезапно и без всяких предупреждений Павел исчез на несколько дней. На службе он числился в отгулах, дома не появлялся. Мобильный телефон был отключен, Антон догадывался, по какому еще телефону можно поискать брата, но и там трубка неумолимо сообщала о недоступности абонента. Антон бы и не подумал волноваться, но всполошилась мама, Паша ей зачем-то был срочно нужен, он что-то ей обещал, а сам исчез в неизвестном направлении.

Без малейшей надежды на успех, просто для очистки совести, чтобы не врать матери, Антон позвонил Гаянэ и спросил, не знает ли она случайно, где Павел, не говорил он ей, куда и с кем собирается.

– И ты еще набрался наглости спрашивать у меня, где твой брат?! – Гаянэ так крикнула в трубку, что Антон даже испугался. – Ты в своем уме? Ты мне звонишь, чтобы задать вопрос о нем?!

– Гаянэ, что случилось? – с недоумением спросил Антон. – Что произошло? Почему ты кричишь?

– Потому что твой братец – мерзавец и козел! – продолжала кричать Гаянэ. – Такой мерзавец, каких я в жизни еще не видела!

Одним потоком она выплеснула все ругательства, которых раньше Антон не ожидал от нее услышать, потом добавила, что если Павел пропал и Антон боится, что с ним что-то случилось, то она искренне желает, чтобы его опасения

оказались оправданными. Антон решительно ничего не понимал: лучшая подружка его брата называет его гнусной скотиной и ублюдком, желает ему пропасть на веки вечные… Что произошло, в конце концов? На этот вопрос Гаянэ отвечать не посчитала нужным.

– Странно, что ты не знаешь, – только и сказала она. – Ну а раз не знаешь, так у брата своего и спросишь, когда он появится. Не бойся, появится он. Куда он денется? Говно не тонет.

Было одиннадцать часов утра, когда Антон подъехал к дому бывшей подруги своего брата. Гаянэ еще должна быть дома.

Сколько Антон ее знал, она всю жизнь вела неустанную борьбу с силами природы, наделившими ее теми внешними данными, которыми она обладала. Как многие армянские девушки, Гаянэ была склонна к округлости некоторых частей тела, поэтому борьбу с лишним весом вела с восемнадцатилетнего возраста разными способами и с переменчивыми результатами.

Гаянэ перепробовала все виды физических нагрузок, которые тогда были в моде, а потом стала мечтать о том, чтобы открыть собственный, пусть самый малюсенький фитнес-зал. Она твердо решила превратить интересующее ее занятие в дело своей жизни: она хотела помогать женщинам становиться стройными и красивыми.

Гаянэ заняла денег у родственников, взяла в аренду небольшое помещение в центре города и начала с тех видов занятий, которые не требуют больших денежных вложений. Параллельно она активно вела переговоры с тренерами, договаривалась с девушками, в которых чувствовала творческий подход. Так, кроме аэробики и калланетики, в ее спортзале, который она назвала «Лотос», появились занятия степом.

Время работы клуба было уже расписано по минутам. С увеличением числа групп стало ясно, что помещение, в котором находится «Лотос», никуда не годится. Для того чтобы приходящие и уходящие группы не сталкивались друг с другом, нужно было бы иметь раздевалку побольше. И душ должен отвечать требованиям: многие после занятий не сразу идут домой и потому нуждаются в том, чтобы смыть пот.

Гаянэ была так поглощена захватившим ее делом, что почти не заметила, как ее муж сначала отдалился, а потом нашел другую женщину. Продвижения в делах с лихвой компенсировали ей личную драму: ее клуб стал популярным в городе. Она расширялась, благоустраивалась и считала, что живет абсолютно полноценной жизнью. Периодически у Гаянэ возникали проблемы, и на помощь часто приходил Павел. Он виртуозно разворачивал назад внеплановые проверки, отваживал докучающих прилипал и прочую шушеру.

Антон припарковался у дома коттеджного типа не более чем на двадцать квартир. Ему очень нравился этот район города, пусть здесь неразвитая инфраструктура, поблизости нет ни продуктового магазина, ни аптеки, но зато практически не ездят машины и потому воздух здесь чище, а рядом небольшой скверик и уютное кафе.

Антон и сам не знал, чего он хочет от этой женщины и с чего вообще начать разговор. Тем более у Гаянэ сейчас тоже не лучший период: несколько месяцев назад в помещении клуба, которое она к тому времени уже выкупила и в которое вложила столько сил и труда, случился пожар. Здание очень сильно пострадало, естественно, обслуживание клиентов там прекратилось. У Гаянэ сейчас, наверное, своих проблем полный рот.

Антон нажал на первую кнопку (она жила на первом этаже, в первой квартире) и в принципе был готов к тому, что его вообще не захотят принять. Но Гаянэ открыла дверь. Антон вошел и замер на пороге: квартира ничем не напоминала то обиталище гурии, на которое походила раньше. Стены в холле оказались совершенно голыми, отсутствовали маленькие скамеечки для переобувания, шкаф-купе был настежь открыт, и нутро его зияло пустотой. Большая круглая комната, которая хорошо просматривалась из холла, являла собой то же зрелище: ни огромного дивана, ни телевизора на стене, ни стеклянного столика, ни цветов в кадках – ничего не было.

Гаянэ жестом пригласила Антона в кухню:

– Кофе будешь? – спросила она.

Антон кивнул. Он смотрел на Гаянэ, занимающуюся приготовлением напитка для него и для себя, и не узнавал ее. Сильно отросшие волосы собраны в бесхитростный хвостик, на лице ни следа косметики, да и одета она в спортивные штаны и простую широкую майку, привезенную из Египта. Это был не ее стиль.

Гаянэ закончила с кофе, поставила чашки на стол, села напротив Антона и – еще одно удивление – закурила.

– Ты куришь? – удивился Антон. – С каких пор?

– Тут не только закуришь, – скривившись, хмыкнула Гаянэ. – Тут и запить недолго.

Ее взгляд скосился куда-то вниз, под столом что-то звякнуло: это упала на бок задетая ногой пустая бутылка из-под виски.

– Гаянэ, что с тобой? – спросил Антон. – Ты странно выглядишь… И почему в квартире пусто?

– Слушай, – женщина начала выказывать признаки раздражения. – Ты же пришел не затем, чтобы поинтересоваться моей жизнью и тем, что со мной происходит, правда? Я вообще не понимаю, зачем ты пришел. Ты хотел мне сообщить о том, что случилось с Павлом? Так я уже знаю. Соболезную. Или ты меня подозреваешь?

Антон опешил. Подозревать Гаянэ? В чем? О чем она вообще говорит? Голова шла кругом.

– В чем я могу тебя подозревать, Гаянэ? Ты о чем? – прошелестел он не своими губами. – Может, я чего-то не знаю? Объясни.

– Что я должна тебе объяснить? – повысила голос хозяйка. – Ты хочешь сказать, что был не в курсе дел своего брата? Что он с тобой ничем не делился? Никогда не поверю! Я знаю, какие у вас были отношения. И поэтому не понимаю, зачем ты пришел и чего от меня хочешь. Думаешь, не я ли пристроила твоему Паше пулю в глаз?

Она судорожным движением затушила недокуренную тонкую сигарету в изящной пепельнице, окурок разломился на части, потому что руки ее отчаянно дрожали. Гаянэ подошла к окну, повернувшись к Антону спиной, стала делать глубокие вдохи и выдохи, успокаиваться.

– Так вот, – продолжила она через минуту, не оборачиваясь, – нам с тобой говорить не о чем. Пускай следствие разбирается.

Антон понял, что ему указывают на дверь, но ведь Гаянэ же не выгнала его прямым текстом.

– Гаянэ, послушай меня минуту, не перебивай и не выгоняй, пожалуйста, – начал он.

– Да уж, – снова хмыкнула она. – В нашей стране выставить мента за дверь не так просто. Вы же у нас везде хозяева, что в своих домах, что в чужих.

– Гаянэ, давай не будем тратить силы попусту, – еще раз попробовал Антон. – Я вижу, ты не в лучшем состоянии, я, как ты сама понимаешь, тоже. Я действительно не знаю, зачем я пришел. Расскажи, почему вы поссорились с Павлом?

Гаянэ обернулась, одновременно хмуро и удивленно сдвинув брови.

– Так ты правда ничего не знаешь? – спросила она.

– Я не знаю, что я знаю, а чего нет, – выдохнул Антон. – Может, я непонятно говорю, но я волнуюсь, я в замешательстве. Постарайся меня понять, я тебя прошу. Ведь лично я не сделал тебе ничего плохо, так ведь?

– Ты не сделал, – согласилась Гаянэ. – Но я не поверю, что ты ничего не знал о делах своего брата.

Антон несколько секунд размышлял, подбирая слова. Вот его жене Алене не нужно ничего подбирать, из нее всегда льется правильная речь, и она всегда знает, что и когда нужно сказать, умеет сформулировать свои мысли, подытожить чужие высказывания. Но он – не Алена, он всего лишь мент,

обычный гаишник, работающий в отделе розыска, и он не такой тонкий психолог, чтобы понимать движения души, которую перед ним не хотят раскрывать.

– Я не знаю, много или мало я знал о жизни Павла, вот в чем вопрос, – сказал Антон. – Мы часто виделись, общались, но много ли я узнаю за тремя кружками пива? Сейчас я понимаю, что мы обсуждали в основном только то, о чем Павел сам хотел поговорить. Если тема была ему неприятна, он не особенно распространялся. Поэтому я не имею понятия, что знаю о нем, а чего нет. А сейчас я вообще впотьмах. Павла убили, но ни Соня, ни Дашка, ни Котик – никто не позвонил, не сказал ни слова. Я знаю, что Соня с Пашей плохо расстались, но ведь Павла больше нет, а они даже соболезнования не выразили. Теперь ты говоришь, что я тебя могу подозревать… Но в чем? Почему? Какие у тебя причины? Гаянэ, помоги мне! Я как в темном подвале, я ничего не вижу и не понимаю!

Гаянэ села напротив Антона, подперла голову руками, внимательно посмотрела ему в глаза.

– Да, наверное, ты не врешь, – она понимающе кивнула. – Может быть, все так и есть. В принципе это на него было похоже: если похвастаться нечем, вполне мог и смолчать.

Она встала со стула, и от Антона не укрылась тяжесть в ее движении и то, что она оперлась рукой о стол. Гаянэ подошла к кухонному буфету, открыла его. Полки были пусты, только на одной из них одиноко возвышалась бутылка ирландского виски, которая стояла почему-то здесь, а не в холодильнике. И только тут Антон заметил, что холодильника-то в кухне нет.

– Квартиру продаю вместе с кухней, – как бы объясняя, сообщила Гаянэ, доставая бутылку. – Она же почти новая, натуральное дерево. Сейчас такие гарнитуры сильно подорожали. Покупатели очень хотели вместе с кухней. А что – удобно, ничего не надо монтировать, да и у меня все в идеальном состоянии.

– Ты продаешь квартиру? – не веря своим ушам, спросил Антон.

– Как видишь, – подтвердила хозяйка. – Другого выхода нет, еще одна долговая процедура, и я чокнусь. Это крупные бизнесмены с большими штатами легко живут на кредитах, а мне все приходится делать самой. У меня уже от этих хождений по кабинетам такое состояние, что я в психушку скоро, наверное, попаду. Не хочу больше ни кредитов, ни долгов, ничего. Как-нибудь перекантуюсь, переживу, пока все налажу заново. Если налажу, конечно.

Гаянэ, которая, насколько помнил Антон, никогда не употребляла спиртных напитков днем, да еще и без особого повода, поставила на кухонную стойку бутылку виски и раскрыла коробочку немецкого печенья.

– Это из-за пожара, да? – предположил Антон.

– Это из-за твоего брата, – ответила женщина.

Антон прекрасно помнил то солнечное весеннее воскресенье, когда они все вместе праздновали Пашин день рождения. Было очень тепло, небольшой садик вокруг дома был наполнен упоительными осенними запахами цветущих астр и хризантем. Настроение у всех было великолепное, Соня с особым рвением накрывала праздничный стол, на котором уже стояло блюдо с обширной мясной нарезкой, грандиозный овощной салат и поднос с ее фирменными пирожками. Аленка надрывалась над разрезанием копченого палтуса, Антон с другими мужчинами колдовал у костра и даже не представлял себе, какую беседу в этот момент ведут Павел и Гаянэ. Его брат как раз переводил разговор с рассказа о том, как он уладил свои недавние неприятности на службе в нужное ему русло.

– Уладить-то я уладил, но все равно ситуация не очень хорошая, – вывел на нужную тему Волков. – Кто знает, сколько еще служить осталось? Исполнится сорок пять – и привет. То ли оставят, то ли выпрут на пенсию… И кому мы, менты, нужны в народном хозяйстве? Пока ты в погонах, всем нужен, а как снимешь их, так хрен кто вспомнит, как тебя зовут.

Павел прервал свои рассуждения, чтобы сходить за тазиком с замоченным мясом, а когда вернулся в кухню, Гаянэ уже была облачена в фартук и стояла с закатанными руками, готовая начать процедуру нанизывания мяса на шампуры.

– Ты прав, – согласилась Гаянэ. – В твоей ситуации нужно заранее беспокоиться о завтрашнем дне. Хотя я не думаю, что ты не найдешь себе работу, другое дело – что это будет за работа.

– Как ты меня понимаешь, мать, – тяжко вздохнул Павел. – Дети растут, а перспективы неясные. Мне предложили одно дело, участие в бизнесе, совершенно беспроигрышный вариант, но нужны деньги. И не такие, как у меня, а приличные. Извини, я сейчас.

Павла отвлекла Соня, которая попросила передать ей через окно столовые приборы. В честь теплого дня стол было решено накрывать во дворе.

– Это ничего, что я такой разговор завел сейчас? – обратился Павел к подруге, будто сомневаясь в том, какой получит ответ. – А то, может быть, в другой раз поговорим? Я могу к тебе специально заехать. Мне помощь твоя нужна.

На самом деле Павел специально выбрал именно день своего рождения, полагая, что имениннику вряд ли откажут. Кроме того, у всех было приподнятое настроение, светило солнце, со двора то и дело доносились обрывки разговоров о скором путешествии, да и рюмочка виски должна была усилить эффект праздничного дня.

– Да нет, все нормально, – ответила Гаянэ. – Мы же не собираемся бизнес обсуждать, так ведь? Ты же меня не приглашаешь в дело, ты хочешь просто взять в долг денег, чтобы самому поучаствовать? Правильно я поняла?

– Правильно, – кивнул старый товарищ. – У меня есть деньги, но, для того чтобы вложение по-настоящему сработало, мне нужно еще.

– Сколько, Паш? – спросила Гаянэ, нанизывая лук между большими кусками свинины.

– Прилично, – вздохнул Павел и назвал необходимую ему сумму.

– Да, это деньги, – покачала головой Гаянэ. – А ты уверен, что сейчас подходящий момент вкладывать куда-либо такие суммы? Все-таки кризис…

– Подходящий, именно сейчас как раз подходящий. Когда после кризиса все очухаются, поздно будет, уже никуда не всунешься. Именно сейчас это и имеет смысл, – с загадочной улыбкой ответил Павел. – Абсолютно легальный бизнес с проверенными, надежными людьми.

– То есть в людях ты уверен? – с легким сомнением в голосе спросила Гаянэ.

– Ну ты даешь, мать! – обиженно протянул Павел. – Я что, похож на лоха, я что – пацан с улицы? Ты думаешь, что меня можно просто так взять и кинуть?

– Да нет, Паш, ну что ты! Я так не думаю, – ласково улыбнулась Гаянэ. – Кто тебя кинет, тот умрет на следующий день. Я имела в виду не то, что тебя обманут, а другое: вдруг у тех людей ничего не получится?

– Нет, старушка, – бодро ответил Павел, решительно вставая из-за стола. – Это исключено. Это беспроигрышный бизнес, я проанализировал экономику. Помоги, я же не просто прошу в долг, я же верну тебе с процентами.

– Ну, это само собой, – согласилась Гаянэ. – Если бы ты брал по-дружески, скажем, на лечение или на отдых, я бы дала так. А раз на дело, тогда, конечно, с процентами. Но с дружескими.

В это время с улицы донесся голос Антона, угли дошли, брат требовал мясо.

Она улыбнулась, сполоснула руки.

– Готово, можешь относить в сад.

– Сейчас, Мелкий, иду, – крикнул Павел в окно и снова повернулся к Гаянэ. – Ну вот и отлично. У меня деньги хранить лучше, чем в банке, проценты гарантированы, и никто не кинет. Пока я при делах, – сказал он, похлопав себя по плечам, где носятся погоны, – это невозможно.

Павел, так легко добившийся своей цели, смачно чмокнул Гаянэ в щеку и в макушку, потом крепко-крепко обнял и, приняв из ее рук тазик с уложенными на него шампурами, бодрым шагом вышел во двор через широко распахнутые стеклянные двери.

Гаянэ к этому дню уже выкупила помещение клуба и, слава богу, забыла, что такое долги. Своему товарищу она доверяла безгранично, в том числе и в денежных вопросах. Они условились, что деньги Павел вернет через год, проценты немного позже, по мере возможности. Когда Гаянэ усомнилась, что крупное вложение можно отбить через такой короткий срок, Павел ее заверил, что специфика проекта такова, что у него это получится. Разумеется, ни о каком юридическом оформлении долговых обязательств между старыми друзьями речь не шла.

Абсолютно легальный бизнес с проверенными, надежными людьми заключался в следующем. Все началось с того, что случайно на автозаправке Павел столкнулся со своим старым знакомцем Марком Ковалевским. Он с трудом узнал в этом солидном, седом, вальяжном господине с европейским акцентом еврейского мальчика-проныру, который в былые годы был, как говорится, широко известен в узких кругах.

Аферист по призванию, Марк занимался строительством мини-пирамид и организацией всевозможных инвестиционных кооперативов. Отдельную популярность ему принес виртуозный увод из муниципальной собственности здания популярного некогда кинотеатра. Он ловко манипулировал интересами трудовых коллективов, что приносило ему несомненную выгоду, когда речь шла о скупке акций предприятий, умело подмазывал жадных депутатов и чиновников, участвовал в войнах за собственность. Ковалевский проходил по нескольким уголовным делам в качестве свидетеля или подозреваемого, но никогда так и не обрел статуса осужденного. Марк был ловкачом, каких мало, но, окрыленный былыми успехами, в какой-то момент слишком расслабился, слегка не рассчитал собственные силы и столкнулся с противником, который оказался ему не по зубам. И главным образом потому, что этот противник не исключал самые радикальные способы решения своих трудностей. У Марка случилась большая неприятность, и от греха подальше он уехал в Чехию, где вполне успешно, судя по его внешнему виду, прожил много лет.

Сказать честно, Павлу он нравился. Такие талантливые идейные аферисты попадаются не часто. Потому встретились они почти как старые приятели. Марк оставил свой «Мерседес» на парковке, пересел в машину Волкова, и они отправились в ресторан. Под чешское пиво они съели по большому горячему салату с копченостями, потом перешли ко вторым блюдам и крепким напиткам. Марк рассказывал о том, как жил в Чехии, но в основном это была болтовня о

тамошних нравах, кухне, напитках и достопримечательностях. Потом он расспрашивал Павла о службе, о жизни в городе, об общих знакомых.

– Я так понял, что Нос в Госдуме окопался? – спросил он как раз о том человеке, из-за которого в свое время сбежал в Европу.

– Да уж, – подтвердил Павел. – Валерий Носов – депутат. У него значок не снимается, уж какой созыв кряду сидит. Карьеру сделал – дай бог каждому. У нас тут редко бывает. А ты давно в городе? Надолго?

– Уже полгода как приехал, – ответил Марк, отправляя в рот большой кусок телячьей отбивной.

– Да ты что? – удивился Павел. – А о тебе ничего не слышно, никто не говорил, что ты вернулся. Ты насовсем или как?

– Да не знаю пока, – пожал плечами Ковалевский. – Что-то скучно стало в Чехии. Я же там женился, хорошую такую девушку встретил, молоденькую, знаешь, чистая такая славяночка, с русой косой, глазки голубые, ямочки на щеках. Загляденье! И прожили мы с ней не так уж мало, а тут недавно я залез к ней в ноутбук… Мамочки мои!

Марк чуть не подавился маринованным огурчиком, откашлялся и продолжал:

– Пятерых любовников имела одновременно, шалава, – сказал он, будто сообщал что-то веселое, к нему вовсе не относящееся. – Меня затрахивала до смерти, и еще по мужикам шарилась. Как только у нее одно место не стерлось…

Марк откинулся на спинку стула, налил еще по рюмке.

– Вот я и подумал, что чуток развеяться мне надо, – продолжил он. – А тут дело предложили. Так что я пока раздумываю. Надоела мне что-то Чехия, в Германию съездил осмотреться: у бюргеров вообще скукотища. Может, здесь поработать, деньжат прибить, да рвануть куда-нибудь в экзотику, под солнышко: в Малайзию, например.

– Э, да ты опять за свое! – протянул Павел. – Решил вспомнить старое? Тряхнуть стариной, так сказать, погреметь затекшими конечностями?

– Нет, Паш, – прервал его Марк. – Я теперь дядя приличный, людей не обуваю, мозги стали ленивые. А для успеха в моем прежнем деле главное что?

– Вовремя платить ментам бабки, – засмеялся Павел.

– Ну и не без этого, конечно, но главное все-таки – это кураж, живость ума. А я там зажирел на чешских харчах, спокойная жизнь, знаешь ли, куража лишает напрочь.

– И чем же ты займешься? – задал Павел дежурный вопрос.

– Заведение хочу одно открыть, загородное, турбазу для взрослых, – пошутил Марк.

Слова Марка Ковалевского почему-то задели Павла за живое. Вот перед ним сидит мужик: умный, изворотливый, многое понимающий о жизни. И он может совершенно спокойно сказать, что он подумывает открыть что-то свое. А он, Павел? Он ведь тоже неглуп, и опыта жизненного имеет не меньше. Но вот только Марк может сейчас сказать: я решил открыть заведение. А Павел – не может. Потому что его капитал – это его погоны, только погоны и дают ему возможность иметь то, что он имеет. А не будет их – что тогда?

Практически обо всем Павел и Марк договорились в тот же вечер. У Марка открылась возможность взять в аренду на длительный срок одну муниципальную турбазу. В свое время на пригородные лагеря, спортивные и туристические базы обращали внимание бизнесмены, но в кризис этот интерес поутих, базы стояли заброшенные, постепенно ветшали и уже не представляли никакой ценности сами по себе. Чтобы использовать их как объекты для отдыха, требовались значительные вложения. Копеечный договор аренды турбазы «Колос» достался одному старому приятелю Марка Ковалевского в результате каких-то манипуляций и взаимных расчетов с чиновником городской администрации. Что с ним делать дальше, этот товарищ не знал, стал пристраивать за сносную цену по знакомым: не пропадать же добру?

У «Колоса», несомненно, было много неоспоримых достоинств, первым из которых являлась близость к городу. Вторым плюсом являлось то, что рельеф местности был весьма удачен, территория турбазы находилась на излучине реки, вполне пригодной не только для купания, но и для гонок на вошедших в моду скутерах. База была окружена живописным смешанным лесом. Для тех, кто любит уединенный отдых на родных ландшафтах, – райское место.

Но Марк рассудил, что, каким бы райским оно ни было, деньги оно будет давать только в сезон. А нужно, чтобы приносило прибыль круглый год. И у него родилась идея сделать тут не место семейного отдыха, а скорее базу для взрослых. На эту мысль его навело само местоположение потухшего туристического очага: соседние турбазы далеко, никаких случайных грибников, никаких соседей с других турбаз здесь не бывает. Самое место расслабляться вдали от посторонних глаз.

С того вечера Павел и Марк встречались ежедневно и обсуждали детали возможного совместного проекта, просчитывали бюджет реконструкции, распределяли между собой обязанности и прикидывали возможности, что из необходимого можно достать по дешевке. Потом последовал период совместной работы, Павел стал совсем мало бывать дома.

Через несколько месяцев благоустройство объекта для увеселительного отдыха было почти завершено, и база уже принимала первых гостей. Мужские компании могли найти здесь все, чего пожелают душа и тело: блюда на мангале, выбор напитков, небольшие, но ставшие после реставрации уютными домики, тир, покерные столы, сауну, русскую баню, эротический массаж и женскую компанию. В курительной комнате, отделанной в восточном стиле, по желанию клиента могли заправить кальян не только фруктовым табаком.

Но внезапно, когда база не проработала и трех месяцев, радужные планы были нарушены самым неприятным, даже наглым образом. Павлу на мобильный позвонил начальник охраны «Колоса» и испуганно прошептал в трубку:

– Павел Константинович, я прямо не знаю, что и делать, сейчас приехали люди сюда на двух джипах с московскими номерами, подошли, потребовали открыть шлагбаум, я их не пустил. Они потребовали хозяина, один показал какое-то удостоверение, я даже со страху не понял, что это была за корка такая, он мне в руки не дал, я только издали видел.

– А чего ты испугался-то? – ухмыльнулся Павел. – Тоже мне охрана!

– Павел Константинович, кто попало так не ездит, – тараторил секьюрити. – Я эту породу знаю, это какие-то крутые люди, их сразу видно, это не шелупонь какая-нибудь, я таких за версту чую.

– И что они? – помрачнел Павел. – Чего хотели-то? Не пустил ты их, дальше что?

– Они хотят вас видеть, – совсем упавшим голосом ответил сотрудник. – Сказали, что подъедут через два часа, чтобы вы были на месте.

Павел изрыгнул многоэтажное ругательство.

– Еще чего они хотят? Я не сайгак, скакать к ним через весь город. И почему я? В документах моей фамилии нет, это ты им меня назвал? Почему они не спросили Ковалевского?

– Марка Ильича они не спрашивали, – продолжал лепетать начальник охраны. – Я уж ему звонил раз десять, наверное, у него телефон отключен. Лучше бы вы подъехали, Павел Константинович, а то я не знаю, как с ними дальше.

– Ладно, подъеду сейчас.

По дороге Павел безуспешно пытался дозвониться до Марка. Он не видел компаньона по бизнесу уже три дня. И Марк за эти три дня не звонил ни разу. Странно. Что же происходит?

Ответ на этот вопрос он получил через час.

– Почему вы просили приехать именно меня? Разве я являюсь владельцем фирмы, которая арендует эту землю? – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросил Павел посетителей, которые еще даже не успели представиться. – Я, знаете ли, очень занятой человек…

– Но вы же здесь, – глумливо улыбнулся ему в ответ незнакомец в светлом плаще фирмы «Берберри».

У ворот турбазы стояли новейшая белая «AUDI Q7» и черный «Порш Кайен». Да, непростые ребята, подумал Павел. Но ничего, сейчас он их обломает. Когда они узнают, кто он…

– Павел Константинович, давайте сначала познакомимся, – как ни в чем не бывало продолжил тот, что был в светлом плаще. – Меня зовут Сергей Леонидович Кравцов, я помощник депутата Государственной думы Валерия Николаевича Носова.

С этими словами он протянул Павлу удостоверение помощника депутата.

«Люди Носа», – только и успело мелькнуть в голове Волкова, а незнакомец продолжал:

– Пройдемте в ваш офис, я объясню, в чем дело, – и он уверенным движением подхватил опешившего Павла под локоть. – Куда прикажете?

Там помощник депутата объяснил, что земли района, на котором расположена турбаза, выкупаются под застройку элитных коттеджных поселков, региону нужны инвестиции, и решение уже принято на уровне губернатора. Единственной «занятой» турбазой оказалась турбаза «Колос», но это досадное обстоятельство, безусловно, не может помешать Валерию Николаевичу Носову и его московским партнерам реализовать свой проект. Поэтому тоном, не терпящим возражений, Павлу было предложено связаться с формальным учредителем и решить все юридические тонкости.

– И что же, вы считаете, что можете вот так за здорово живешь выкинуть отсюда законного арендатора? – разъяряясь, прошипел Павел. – Какие основания у вас есть? Я вам не мальчик с улицы…

– Павел Константинович, – перебили его. – Мы знаем, кто вы. И именно поэтому предлагаем вам из уважения к вашей профессии и вашему статусу… – Эти слова сопровождались уже откровенно язвительной усмешкой. – Получить назад вложенные вами средства. Предложение действительно только один раз, в случае отказа второго предложения не будет и вам придется остаться без компенсации. К тому же ваше участие в таком бизнесе может очень не понравиться вашему руководству, и может последовать кадровое решение. О том, что покупка земель уже действительно практически состоявшийся факт, вы

можете узнать из интернета, или, например, включите сегодняшние вечерние «Новости». Мы вас не обманываем. Завтра ждем вашего решения.

– Я должен поговорить со своим партнером, – уже осознав катастрофу, буркнул Павел.

– С Марком Ильичом? С ним вы вряд ли поговорите. Видите ли, много лет назад Марку Ильичу было рекомендовано не возвращаться в этот город, но он не прислушался к этой рекомендации. Сейчас он исправил свою ошибку, так что, если вы хотите с ним поговорить, вам придется проехать по месту его жительства в Чехию. Он уже там.

Такого унижения Павел не испытывал еще никогда. Впервые он, подполковник милиции, занимающий руководящую должность, чувствовал себя беспомощным и жалким. Ему самому доставляло удовольствие «поиграть мышцой» перед публикой, но он никогда не выступал в унизительной роли того, кого ставят на место московские мальчики. Он принял условия, прекрасно понимая, что может остаться не только без турбазы, но и без денег.

Теперь нужно было срочно искать другой выход, нужно было вложиться, пока Гаянэ не требует долг назад и пока он еще хоть что-то представляет собой в этой жизни. Хотя московские мальчики его мнение на этот счет сильно поколебали. От унижения и стресса Павел напился в одиночестве, да так, что не смог выйти из джипа и заснул прямо в машине.

Правильно говорят в народе: беда не приходит одна. Не прошло и недели, как в клубе «Лотос» случился пожар. Ущерб помещениям был причинен значительный, в негодность пришли тренажеры, огонь изуродовал полы и стены, деятельность клуба пришлось прекратить. Но не успела Гаянэ отойти от первого шока, как ее подстерегал следующий.

Помещение, разумеется, было застраховано, однако страховая компания согласилась выплатить только незначительную часть суммы. По их мнению, спортинвентарь годился к использованию, а обгоревшие потолки, стены и полы не препятствовали осуществлению основного вида деятельности. А то, что в здании даже по прошествии времени нечем было дышать, это ничего. Воздух, как говорится, к делу не пришьешь. Было ясно, что страховщики ведут дело к суду. В суде дело тоже никак не сдвигалось с мертвой точки. Гаянэ

проконсультировалась у одной знакомой, которая уже прошла через подобную процедуру: ее магазин был залит, пострадал товар, однако страховщики упорно доказывали, что и в таком виде тот товар пригоден к реализации. Знакомая объяснила, что ждет Гаянэ в ближайшем будущем: страховщики назначат независимую экспертизу и предоставят в суд заключение, которое выгодно им. Вслед за ними аналогичную процедуру должна будет пройти сама Гаянэ, заплатив другим экспертам и получив то заключение, которое устроит ее. Независимая экспертиза – всего лишь товар, за который платит заказчик, а решение принимает все равно судья.

Гаянэ поняла, что дело обещает затянуться на неопределенный срок, во время которого работа будет остановлена, клиентки разбегутся кто куда и собирать их заново будет уже непросто. Оставался единственный выход: забрать деньги у Павла. Тем более условленный срок отдачи долга истек.

Она стала звонить другу.

– Надо встретиться поговорить, Паша, мне срочно нужны деньги. Ты знаешь, что у меня случилось. Я бы не стала их требовать, пока ты сам не проявил инициативу отдать долг, но выхода нет. Надо срочно ремонтироваться, а то тренеры уже разбегаются, я потом такую команду не соберу.

– Давай встретимся, конечно, – ответил Павел. – Если ты дома, я могу к тебе заехать.

– Хорошо.

Через час Павел позвонил в домофон.

– Сколько дней тебе нужно, чтобы вернуть долг? – спросила Гаянэ, не успев запустить гостя в комнату. – Меня сильно поджимает.

– А сколько тебе нужно сейчас? – вопросом на вопрос ответил Павел.

– Что значит, сколько мне нужно? – напряглась Гаянэ. – Я еще не могу сказать точно, какая будет смета ремонта, ее только делают, и тренажеры новые надо покупать, мой менеджер пока ведет переговоры.

– Ну, ты скажи, сколько тебе будет нужно, а я посмотрю, чем я тебе могу помочь. – Павел не смотрел ей в лицо, сел на диванчик, закинул ногу на ногу.

– Паш, я не ослышалась? – опешив от такого поворота, спросила Гаянэ. – Что значит, ты подумаешь, чем мне помочь? Мне не надо помогать, мне нужно вернуть те деньги, которые я дала тебе в долг. И все.

– Гаянэ, я все понимаю, у тебя форс-мажор, – как ни в чем не бывало сказал Павел. – Но дело в том, что у меня тоже форс-мажор. И сейчас я тебе денег отдать не смогу.

– Подожди-подожди, – замотала головой Гаянэ, не веря своим ушам. – Мы с тобой договорились, ты был уверен, что через год отдашь мне деньги. Ты помнишь, я сомневалась, что ты сможешь за год окупить такое вложение? Помнишь? Я же тебя спрашивала! Ты сказал, что сможешь, ты был уверен.

– Ну, за год я бы, конечно, не успел, – признался Павел. – Я планировал, что через год начну возвращать тебе долг частями.

– Об этом не было речи! – взвизгнула Гаянэ. – Мы так не договаривались!

– А если бы я тебе так сказал, ты мне денег не дала бы, это сто процентов, – ничуть не смущаясь, ответил Волков. – Но ты не кипятись, Гаянэ, я же не отказываюсь от своего долга. Если бы все было нормально, я бы тебе уже начал отдавать, и отдал бы очень быстро, можешь не сомневаться, может, еще и до того, как ты потребовала бы. Зачем мне, чтобы у меня долги висели на шее?

– Что значит «если бы все было нормально»? Что у тебя не нормально? Почему ты не можешь вернуть мне деньги? Куда ты их дел?

– У меня случилось несчастье, – разведя руками, сообщил Павел. – Почти такое же, как у тебя.

У Гаянэ застучало в висках, горло пересохло настолько, что ее скрутил приступ кашля. Она открыла бутылку минеральной воды, жадно выпила большой стакан и постаралась взять себя в руки.

– Я тебе не верю, – наконец сказала она. – Ты должен объяснить мне, что произошло. Мой форс-мажор очевиден, а то, что ты говоришь, – это только слова. Я требую, чтобы ты объяснил мне, где мои деньги и что произошло!

И Павел рассказал ей всю историю, опустив лишь один момент: факт возмещения ему его вложений.

Гаянэ была потрясена, никогда еще судьба не наносила ей такого удара. И еще она была уверена, что у Павла не может не быть денег. Только недавно ее знакомые упоминали фамилию Волкова в связи с одной очень неприятной историей.

Об этой истории Гаянэ узнала от приятельницы, которая прогорела на участии в долевом строительстве и стала принимать активное участие в общественной организации, объединяющей обманутых дольщиков. Они выступали на телевидении, перекрывали улицы города, устраивали митинги, обращались к губернатору. В возбуждении уголовного дела им уже трижды отказали. Тогда они скинулись и обратились в частное детективное агентство, перед которым поставили задачу – облегчить работу неповоротливого правоохранительного аппарата и найти следы активов обманувшей их фирмы «Ассоль» и ее сбежавшего руководителя. В ходе поисков всплыло несколько фамилий. И когда Люба, приятельница Гаянэ, с жаром рассказывала об успехах, которые достигла их организация, она упоминала, что там цепочка от сбежавшего за границу хозяина «Ассоли» к указанной личности прослеживалась достаточно прозрачно. Еще тогда Гаянэ передернуло. Приятельница утверждала, что цепочка замкнулась на Марине Анатольевне Гонтарь – любовнице одного милицейского подполковника. Его фамилия Волков.

Но если Павел помогал аферисту избежать уголовного преследования и припрятать активы якобы обанкротившейся фирмы, значит, у него не может не быть денег!

– Павел, я больше не хочу ни о чем рассуждать, – резюмировала Гаянэ. – Ты мне сказал, что вкладываешь деньги в бизнес с надежными партнерами, а вляпался в какую-то историю. Ты меня подло обманул. Я тебе больше не верю и пререкаться с тобой не хочу. Я хочу одного: чтобы ты немедленно отдал мне мои деньги.

Гаянэ смотрела на Павла в упор, глаза ее горели, нижняя губа подрагивала, острые ногти впились в ладони так, что кожа посинела.

Павел выдержал ее взгляд. Ухмыльнулся и протянул:

– Я же тебе сказал, что у меня нет денег. Я все верну, но позже.

– Мне не нужно будет позже! – не своим голосом закричала всегда спокойная Гаянэ. – У меня рушится дело моей жизни! Ты должен немедленно отдать мне мои деньги! А то…

– А то что? – глумливо улыбнулся старый друг. – Что ты мне сделаешь? Предъявишь иск в суд? Нет, у тебя нет моей расписки. Еще что? Ну, смелее, давай!

Гаянэ стала пунцовой, гнев и слезы затопили ей горло, она уже ничего не могла произнести.

– Так вот, – сказал Павел, вставая со стула. – Ничего ты мне не сделаешь. Кто ты и кто я? Вопрос: что ты против меня можешь? Ответ: ничего. Я сказал, что отдам позже, значит, так и будет. Я буду делать так, как считаю нужным, и не надо на меня давить своими бабскими нервами, я к ним невосприимчив.

– Ты вообще перестал быть к чему-то восприимчив, – еле-еле удалось выдавить Гаянэ. – Ты стал другим человеком, я никогда не думала, что ты скатишься до такой гнусности, до такого скотства. Ты мразь, Паша, ты знаешь об этом?

Он уже выходил из комнаты, но, когда услышал обидные слова, обернулся, скривил губы в отвратительной усмешке и процедил:

– А если ты, тварь черножопая, будешь меня оскорблять, ты вообще не получишь ни копейки. Ты и так уже близка к этому. Поняла? Если еще не поняла, то пораскинь своими обезьяньими мозгами. Всегда будет так, как я сказал. Или никак не будет.

После этого он вышел из комнаты, по пути якобы случайно задев кашпо с трехствольной драценой. Нежное растение повалилось на пол. Вслед за

драценой на пол рухнула Гаянэ: в первый раз в жизни у нее случился обморок.

Антон ушел от Гаянэ потрясенный. Он никогда особенно не обольщался насчет Павла, а в последнее время брат действительно очень изменился, но на своей шкуре Антон этих изменений не чувствовал. Да, со своей некогда лучшей подругой Гаянэ Павел поступил подло. Очень подло.

«Но могла ли Гаянэ его за это убить?» – спросил себя Антон. Остановился перед машиной, подумал и не ответил. Кто знает?

Глава 4

Решение Даши о том, что она будет поступать на юридический факультет университета, в семье прошло на ура. Для Павла было главным, чтобы его дочь не пошла по скользкой дорожке, выбрав какую-нибудь творческую профессию. Музыкальная школа, слава богу, была уже окончена, и продолжать свое музыкальное развитие Дашка вроде бы не собиралась. Танцевальную студию она, правда, посещала до сих пор, но это всего лишь увлечение, от которого девочка получала удовольствие, хорошую фигуру и замечательную пластику. Это пусть. А юрфак – это солидно и надежно. Хотя, по большому счету, Павлу уже было все равно.

Перелом в семейной жизни начался где-то с середины 2010 года. До того Павел хоть и переменился внутренне – этого невозможно было не заметить, – но свои обязанности мужа, отца, главы семейства он выполнял более или менее исправно.

Своих собственных, личных денег у Сони практически никогда не было. Продукты они покупали вместе с мужем, тогда же она должна была запастись средствами женской гигиены, колготками и необходимой парфюмерией. Абонемент в салон красоты Павел то ли оплачивал сам, то ли получал за какие-то услуги, но вручал он его Соне в готовом виде, и она не могла выбрать по своему вкусу, какие именно процедуры в этом месяце ей будут более необходимы.

Обязательные две недели летнего отдыха на море до 2010 года тоже были незыблемой Пашиной обязанностью. Ездили они, как правило, большими кампаниями, и Соня подозревала, что дело вовсе не в скидках, которые давало туристическое агентство, а в том, что отдых одной лишь своей семьей Павлу был попросту скучен. До 2010-го раз в год они оставляли детей на попечение родственников и совершали самостоятельное путешествие, но выбор географической точки всегда оставался за Павлом.

Так случилось и в последний раз. Соня много читала в интернете о Мальдивских островах, об их необыкновенном подводном мире и бирюзовых лагунах. Она знала, что это дорого, но, видя, что муж не особенно стеснен в средствах, все-таки заикнулась Павлу о том, что хотела бы побывать на этих райских островах. На это муж воззрился на нее как снисходительный учитель на тупую двоечницу.

– Ты с ума сошла, мать? – сказал он, покрутив пальцем у виска. – Какие, на фиг, Мальдивы? Во-первых, это почти экватор, там очень жарко. Там с ума можно сойти от жары. Во-вторых, что мы там будем делать? Это крошечные острова, никакой инфраструктуры. Это для молодоженов или любовников, нам-то с тобой зачем туда тащиться? Но самое ужасное заключается в том, что Мальдивы – страна со строгими мусульманскими правилами, там сухой закон. Я что там, как дурак буду две недели сидеть? Даже выпить не смогу? Есть там какие-то острова, где продаются спиртные напитки, но за сумасшедшие деньги. Не… Это не для нас.

«Не для тебя», – хотела поправить Соня, но, как всегда, промолчала. А Павел продолжил:

– Мы с тобой поедем в Германию. – На Октоберфест, – сказал он.

– Паш, но я же не пью пиво, я больше стаканчика не осиливаю. Что я там буду делать?

– Будешь пить ликеры, – резюмировал муж. – Да ладно тебе! Там богатейшая программа, Мюнхен – красивый город, шмотья себе накупишь.

Соня не хотела ехать на Октоберфест, потому что пива действительно могла выпить совсем немного, а посмотреть город, составляя Павлу компанию за пивным столом, вряд ли удастся. И что тогда за интерес в пивном фестивале? Но

Павел уже принял решение, и ей пришлось разрабатывать экскурсионную программу, чтобы все-таки заставить мужа оторваться от посещения пивных шатров. Только благодаря ее нечеловеческим усилиям они побывали в Баварских Альпах и посетили великолепный замок Нойшванштайн.

Впрочем, Павел оторвался от фестиваля, как подозревала Соня, только потому, что рядом с замком, как говорила гид, имеется изумительнейший ресторан, где варят и подают свежайшее пиво. В итоге Павел остался доволен экскурсией: в ресторане, который был в десяти минутах ходьбы от замка, действительно была своя пивоварня. Павел от души напился своего любимого «Хофброя», кроме того, там кормили не только традиционными рульками, а еще и мясом косули, которая бегала под присмотром егерей в местных угодьях. Дичь была свежая и подавалась с замысловатым брусничным соусом и маринованной грушей. На обратном пути Павел накупил огромное количество оригинальных травяных ликеров в монастыре, и в итоге счел поездку полезной и удавшейся.

Но на следующий день он опять погрузился в мероприятия пивного фестиваля, и на экскурсию в австрийский Зальцбург Соня поехала одна – Павел был нетранспортабелен, и его путевка обидно пропала.

Это было их последнее совместное путешествие.

Потом Соня стала замечать, что Павел перестал называть ее по имени. Она даже не сразу поняла причину некоего душевного дискомфорта, а потом стала специально прислушиваться. Да, так и есть, муж перестал произносить ее имя. Когда это произошло, Соня не смогла бы сказать с точностью, но приходилось признать, что в каком-то бытовом разговоре он мог обратиться к ней словом «мать», а еще чаще всего его обращения к жене начинались словами «слышишь» или «послушай». Когда Соня поняла, что же так неуловимо и мучительно режет ей слух, она заплакала.

Павла раздражало ее плохое настроение. Если он заставал жену в состоянии задумчивости или грусти, он обязательно кривился и произносил всегда одно и то же: «Чего такая кислая?» Ответ ему не требовался.

Дальше стало хуже. Например, один раз Котик простудился, и Соне необходимо было срочно купить в аптеке профилактические средства: полоскания, витамины, спреи и все прочее. Телефон Павла упорно был отключен, накануне

он не ночевал дома, даже не позвонив, чтобы предупредить. Наутро у мальчика поднялась температура. А у Сони, как назло, не было ни копейки. Павел не оставлял ей свободных денег на всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/holod_alla/rycar-straha-i-upreka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить